

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья

Калишнина

Клад
царя Гороха

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

Клад Царя Гороха

«ЭКСМО»

2014

Калинина Д. А.

Клад Царя Гороха / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2014 — (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Жизнь сыщиц-любительниц Киры и Леси резко изменилась после приезда к ним в гости Полины, причем не в лучшую сторону. Кирина племянница оказалась обладательницей на редкость противного и вредного характера. И единственная возможность избавиться от нее – это выселить девицу в студенческое общежитие, ректор которого ни в какую не хочет предоставлять ей комнату. Впрочем, как выясняется позднее, шансы получить комнату у Полины все же имеются, но для этого нужно, чтобы она заменила своего недавно исчезнувшего однокурсника Ноя на работах по восстановлению старинной усадьбы помещиков Копкиных. Ной мечтал отыскать в усадьбе клад, по преданию закопанный здесь много веков назад, но, ввязавшись в эту авантюру, вскоре исчез. А теперь Полина просит Киру и Лесю поехать с ней в имение для поисков парня, а заодно и клада...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Калинина Клад Царя Гороха

Когда на лес опускаются сумерки, он становится очень неудобным местом. А уж ночью соваться в лес и вовсе незачем, там реально страшно. И если двое мужчин встретились под пологом леса поздним вечером, найдя каким-то образом в темноте условленное заранее место, то у них имелась для этой встречи очень важная причина.

Впрочем, этих двоих лес не пугал. За последние месяцы они исходили его вдоль и поперек. Так что теперь им была знакома тут каждая травинка, каждый кустик и каждое деревце.

– Хозяин, – произнес один голос – низкий и грубый, в котором, однако же, слышалось неподдельное волнение. – У меня есть неприятные новости. Боюсь, что весь наш с вами план под угрозой.

– Не время распускать нюни. Говори прямо, что случилось?

Второй голос звучал совершенно иначе. В нем слышались плавность и напевность. Так разговаривают хорошие певцы, даже в разговоре они словно бы поют. И в то же время в этом голосе звучали властные нотки, которых и в помине не было у первого собеседника.

– Конечно, я все скажу, – засуетился и залезбил первый голос. – Проблема у нас, решить ее требуется.

– Сам не можешь?

– Сам я боюсь. Но вам я помогу всем, чем смогу.

– Вот и хорошо, – повеселел второй голос. – Вдвоем мы с тобой с любыми трудностями справимся.

Но недолго ему пришлось веселиться, потому что первый голос как-то потускнел и, заикаясь, пробормотал:

– Только...

– Что?

– Проблема-то больно сложная.

– Говори уже, что случилось! – стал терять терпение второй голос.

– Парень тут один ходит.

– Ну и что? Пусть себе ходит! Мало ли бездельников по округе шляется!

– Так он не сам по себе, он с картой ходит.

– С какой картой? У нас никаких карт не было! Тот план, что старикашка начертил в своих записках, он не в счет. По нему вовек ничего не найти. А карты не было.

– То-то и оно, у вас не было, а у него имеется.

– Откуда она могла появиться, ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Так говори, дурья твоя башка!

– Уж я и так стараюсь, чем могу, вам помогаю, – заканючил первый голос жалобно. – А вы все недовольны.

– Говори про карту, которую у парня видел.

– Уж не знаю, где он ее раздобыл, а только мне самому мой дед сказывал, что в тридцатых годах сюда много энкавэдэшников приехало. И всю округу они возле имения изрыли. Народ разное придумывал, а только я полагаю, что это они ваше имущество разыскивали.

– Безуспешно, я надеюсь?

Голос дрогнул, на мгновение потеряв и свою напевность и плавность. Заскрежетал, словно металл по металлу. Но собеседник поспешил его успокоить:

– Коли нашли бы, так уж всем было бы известно. Небось, ящики те не утаишь. Много их было. А копали наши же мужики. И все живы после этого остались, к семьям вернулись, и никто из них ни о чем таком не заикался. Даже по пьяни!

– Да, это серьезный аргумент, – усмехнулся второй голос, но тут же посуровел вновь. – Значит, ты думаешь, что карта у парня с тех пор осталась?

– Уж не знаю, что и думать, кто ему эту карту передал, тоже понятия не имею, а только на карте этой все-все ходы отмечены. Даже те, о которых я сам и понятия не имел до того.

– А ты, выходит, с парнем этим подружился? – с живостью воскликнул второй голос.

– Он мне подработать предложил.

– И ты согласился?

– Вас сначала решил спросить.

– Правильно решил, – одобрил начальственный голос. – Ты, друг мой драгоценный, сюда слушай. Мы с тобой с этим пареньком вот как поступим...

И опустившаяся на двух заговорщиков ночь покрыла остаток разговора кромешной тьмой.

Глава 1

Лето создано для удовольствий, осень – для раздумий и анализа своих достижений и ошибок. Весна – это пора, когда уже можно и нужно строить планы на будущее. Ну а зима... зима – это время для спячки.

Во всяком случае, так считала Леся. И планировала за предстоящую зиму хорошенько отоспаться. А начать можно было уже прямо сейчас, осенью. А то весна у нее да и лето выдались что-то очень уж бурными. И теперь Леся чувствовала настоятельную необходимость всласть отдохнуть, дать своим эмоциям и чувствам время для релаксации. Это было бы очень славно и как раз то, что требовалось Лесе.

Но, как водится в этом мире, человек предполагает, а Бог располагает. Вот и в этот раз стоило Лесе свить себе на кровати уютное гнездышко из трех одеял и двух подушек, как к ней в спальню ворвался огненно-рыжий метеор.

– Вставай, соня!

– Я не Соня, – проворчала из-под своих одеял Леся, пытаясь свести все к шутке и надеясь, что ее оставят в покое. – Ты прекрасно знаешь, как меня зовут.

– Все равно ты – соня! Старая ленивая соня! Вылезай! Что ты как старушка тут устроилась?

– А я и есть старушка, – глубоко вздохнула Леся. – По крайней мере, по сравнению с тобой – молодой егозой.

Но она уже знала, что проиграла сражение. Стоило Полине только появиться на горизонте, как все вокруг вас начинало подпрыгивать, подергиваться, двигаться и суетиться. Все вещи и даже люди неизменно приходили в им же самим непонятное волнение и движение. Таков был феномен двоюродной Кириной племянницы, гостившей в доме у подруг и порядком им своей бившей через край энергией надоевшей.

Леся откинула одеяла и стала вставать. Лежать в присутствии Полины было просто невозможно. Нечего было и силы тратить на то, чтобы перебороть этот природный феномен. Полина не давала расслабиться тем людям, кто оказывался в непосредственной близости от нее. А так как в данный момент Полина явно не собиралась уходить из спальни Леси, куда заявила без всякого приглашения, то Леся сделала для себя самой вывод – изменить место дислокации придется ей самой.

– Тетя Леся, ты куда? – кинулась за ней следом Полина.

– На кухню.

Леся не стала говорить племяннице своей лучшей подруги, что на кухню она идет с одной-единственной целью – найти там что-нибудь вкусненькое и по возможности объемистое, чтобы заткнуть рот этому болтливому и вездесущему чудовищу по имени Полина. В идеале подошел бы большой калач, обсыпанный маком, кунжутом или просто залитый бело-розовой, пахнущей одновременно и ягодами и ванилью глазурью. Да, калач заткнул бы рот Полине надолго. Девчонка обожала поесть, хотя при этом оставалась тощей до ужаса.

Лично у Леси эта способность Полины поглощать огромные порции калорий, не толстая при этом, вызывала завистливые слезы умиления, а порой так и злости. И почему одним людям позволено есть сколько душе угодно и не толстеть при этом, а другим приходится бороться с каждой поглощенной калорией.

Не утешал Лесю даже тот факт, что эту свою особенность не толстеть женщины в Кирином роду унаследовали от далекой-далекой прапрабабушки, которая, говорят, сживая на пиру, могла одна умять целого осетра. А эти рыбы в ту пору были не то что сейчас. Под иные полагались специальные блюда, занимавшие до половины всей поверхности стола. И справиться с таким блюдом иной раз бывало не под силу и четверым крепким мужчинам.

Калача на кухне не нашлось, зато нашлись бублики. Свежие и душистые, да еще под сладкий чай – они отлично пошли. Полина занялась бубликами, и Леся получила небольшую передышку. Ну а потом на нее полился поток информации, которую Полина раздобыла где-то за пределами коттеджа подруг, а теперь изливала на голову ни в чем не повинной Леси.

Надо объяснить, что подружки жили в своем коттедже в поселке под названием Чудный Уголок уже не первый год. И если сначала они жили тут вдвоем, коротая вечера в обществе двух своих любимцев – Фантика и Фатимы, являвшихся почтенной кошачьей супружеской четой, то с некоторых пор их общество значительно увеличилось. С ними теперь жили их женихи. Лисица и Эдик. И все у них было хорошо, даже просто замечательно, ровно до того момента, как в их жизни появился младший обитатель – рыжеволосая и энергичная Полина.

До сих пор Леся считала, что ее родственники – это сущий кошмар, а подруге в этом плане здорово повезло. У Киры всех родственников по пальцам пересчитать можно, да и то они не любители ездить в гости и вообще не суют нос не в свое дело. Но в таком заблуждении Леся пребывала ровно до того момента, как одним далеко не прекрасным днем в дверях их коттеджа появился этот рыжий сгусток энергии, и прямо с порога Полина заявила:

– Тетя Кира, я поживу у вас немножко! Ничего? А?

Впрочем, вопрос был чисто риторическим, потому что Полина даже не сомневалась в том, что ей тут будут рады. И едва раздевшись, она уже успела рассказать Кире о том, что ее мама вконец ополоумела, решила на старости лет устроить свою жизнь, а с этой целью познакомилась с мужчиной. Да еще и привела его к ним жить!

– Нет, я ничего не имею против Виктора Степановича, он весь из себя такой уважаемый, ходит по дому в тапочках, не храпит, не портит воздух, по крайней мере, не при мне. Но он просто есть и меня этим сильно раздражает!

– Ты должна понять свою маму. Она хочет семейного счастья.

– Но не в ущерб же моим интересам! Мне Виктор Степанович не нужен. Он считает, что я должна вести себя тише. И еще он занудничает. Учит меня правилам хорошего тона! Ко всему придирается, увидит, что я оставила грязную чашку, будет полчаса зудеть на тему того, как много работает мама, как она устает, как ей тяжело. И что он тоже работает, а я наоборот, не работаю, а только учусь. И поэтому, если следовать его логике, должна взвалить на себя всю домашнюю работу!

От одной невымытой чашки до положения бесправной рабыни огромное расстояние, но Полина списала его со счетов. И это тоже было вполне в ее характере. В общем, Леся уже через пятнадцать минут общения с гостьей сделала для себя один-единственный вывод – ужиться с Полиной под одной крышей будет трудно.

– Слушай, она всегда такая... шумная и наглая? – отведя Киру в уголок, спросила Леся у подружки.

– В детстве она была очень застенчивая. Мы ее так и называли – Бука. Потом она подросла, начала шалить, но посторонних все еще немножко дичилась, и мы, чтобы приободрить, стали звать ее Веселой Букой.

– Но сейчас я ее Букой бы не назвала. Не прошло и получаса, а девчонка уже со всеми вошла в контакт. Все и обо всех рассказала, а замолкать явно не собирается.

– И к тому же он заявил, что у меня ужасные манеры! – донесся до них возмущенный голос Полины. – Дядя Эдик, что вы-то скажете? Разве у меня ужасные манеры?

Эдик с Лисицей, которые в этот момент пытались рассмотреть из-за спины прыгающей перед ними Полины хоть что-нибудь на экране телевизора, где крепкие парни гонялись за футбольным мячиком, создавая иной раз опасные для жизни и здоровья ситуации, только мычали. Но их собственное хорошее воспитание не позволяло наорать на девушку, которая являлась родственницей Киры. Они надеялись, что Полина сама угомонится. Напрасная надежда. Полине

было плевать и на футбол, и на болельщиков, девушку, как обычно, волновали исключительно ее собственные чувства.

Поэтому в перерыве между двумя таймами Лисица подошел к Кире и напрямик заявил ей:

– Девчонка – просто чума! Сделай что-нибудь, чтобы мы ее не видели и не слышали до конца матча.

До конца матча Полину удалось отвлечь. Но потом она все же вырвалась из-под контроля и вновь атаковала мужчин. Те мужественно вытерпели пару часов, а после удрали из дома под предлогом, что им надо купить батарейки. И это в двенадцатом часу вечера! Не трудно было догадаться, что они просто сбежали, чтобы не общаться с Полиной.

– Ничего, привыкнут, – попытались утешить друг друга Кира с Лесей.

Но на следующий день их мужчины пришли домой поздно, а ушли следующим утром очень рано, как можно догадаться, успев унести ноги еще до пробуждения Полины. И так продолжалось целую неделю. Мужчины стали нервными, злыми и раздраженными. А еще через неделю их терпение окончательно лопнуло и они потребовали от Кир:

– Мы больше не можем! Отправь Полину обратно к ней домой!

– Действительно, – подала голос и Леся. – Я тоже присоединяюсь к этому требованию.

– Да что вы как с цепи сорвались? – вяло протестовала Кира. – Девочка хорошая, просто она очень жизнерадостная.

– Она хамка и деспот!

– Выбирай: либо мы, либо она!

– Дорогие вы мои! – чуть ли не со слезами произнесла Кира. – Ну не могу я выгнать девчонку.

– Почему? Разве ей некуда идти? У нее есть мать, если мне не изменяет память. Пусть Полина к ней идет!

– Да ведь мать-то как раз и попросила меня поддержать Полину у себя.

– Попросила?

– Ну да! У Любы – матери Полины только личная жизнь начала налаживаться. То ей все придурки какие-то попадались, отец Полины, кстати говоря, из той же породы был. Любка от него алименты на дочку только первые три месяца после развода и видела. А потом муженек ее бывший так свои дела устроил, что Любке уже не отыскать его было. Но теперь-то Любе наконец хороший человек встретился. Инженер, у них в проектное бюро работает. Одна беда, мужик сам сроду детей не имел, поэтому с непривычки Полинка его здорово напрягает.

– Она любого бы напрягла, – проворчал Лисица.

Всем стало так жалко мужчину, которому предстоит воспитывать Полину и, как минимум, жить с ней под одной крышей вплоть до того момента, как на голову Полине откуда-то свалится отдельная квартира, что Кире разрешили поддержать свою племянницу у них еще немного.

– Несколько дней мы выдержим. Но потом надо решать вопрос кардинально.

– Спасибо! – обрадовалась Кира. – А вопрос я решу. В крайнем случае сниму Полинке квартиру.

– А оплачивать кто будет?

– Ну... мы все. Или я одна.

– Лучше комнату выбей ей в общежитии, – посоветовал Эдик. – А то мы ведь все видели, какая Полина неугомонная. В пустой квартире ей совершенно не на кого будет направить свою энергию, а это может плохо закончиться.

Этот разговор состоялся глубокой ночью, когда четверо обитателей коттеджа сошлись на кухне, словно стая заговорщиков. А сам предмет их волнения в это время сладко спал наверху

в своей спаленке, которая прежде являлась кабинетом Лисицы. О чем он также не преминул напомнить Кире уже несколько раз подряд.

– Но что я могу? – всякий раз разводила руками Кира. – Девочке надо где-то делать домашнее задание.

Полина училась в городской художественной академии, которая на самом деле являлась частным учебным заведением и ничего общего с Академией художеств у Благовещенского моста не имела. Но учителя у Полины были серьезные и, как следствие этого, задавали много. А потому и места для выполнения домашних работ девочке нужно было немало. Были требования по освещенности и метражу. И учитывая это, единственной комнатой, которая удовлетворила Полину, оказался рабочий кабинет Лисицы.

– Конечно, это ведь лучшая комната в доме! – заявила еще тогда Леся. – Не считая наших спален, разумеется.

Но хотя Кира была рада помочь родственнице, она тоже находила общество Полины излишне утомительным. Девчонка двигалась так быстро и шумно и говорила так много и часто, что у Киры начинала болеть голова, едва только она видела рыжий объект, приближающийся к ней. Да и тот факт, что Лисица теперь стал задерживаться на работе дольше обычного, Киру тоже не радовал. И хотя она любила Полину, но, положив руку на сердце, общество Лисицы ей нравилось куда больше. По крайней мере, когда он был рядом, голова у Киры от него не болела.

Поэтому уже на следующий день после состоявшегося в кухне ночного совещания Кира отправилась в академию, где училась Полина. В последние годы университетов и академий в городе расплодилось великое множество. И даже бывшее училище Мухиной, или в просторечии Муха, не устояло перед общей тенденцией и было пышно переименовано в художественно-промышленную академию, в отличие от собственно художественной академии, которая тоже имела место быть, только не в Соляном переулке, а на Университетской набережной.

Но Полина училась в частной художественной академии, обучение в которой стоило ее маме больших финансовых затрат. Однако это учебное заведение выгодно отличалось от своих собратьев тем, что его выпускники гарантированно получали работу по окончании обучения.

– Если девочка хочет быть художницей, пусть хотя бы деньги зарабатывает.

Кира не бралась заранее предсказать итог переговоров с ректором. Он мог запросто заявить, что проживание студентов – это их собственная проблема. И все же Кира надеялась на успех. В качестве средства убеждения она захватила бутылку коньяка десятилетней выдержки. И коробку с кубинскими сигарами, которые выглядели очень эффектно. Подарки Кира сложила в пакет, чтобы было ясно, она явилась с серьезными намерениями. И коньяк с сигарами – всего лишь демонстрация дружественных намерений. Кира решила, что отправится к самому главному начальству; не без труда, но она пробилась в кабинет ректора. Но на этом ее везение и закончилось, потому что ректор ей отказал. Вежливо, правда, но все равно отказал.

– Я все понимаю, – произнес милейший господин Ратковский. – Но общежитие у нас всего одно, и оно предоставляется лишь иногородним студентам, детям-сиротам или детям из малообеспеченных семей. Да и то, если честно, комнаты достаются далеко не всем из них. А ваша девочка, как я понимаю, местная и работающих родителей имеет?

– Да, но я же вам объясняла. У нее отчим.

– Квартира однокомнатная?

– Почему? Три у них комнаты.

– Ну, что вы тогда от меня хотите? – развел руками ректор. – Три комнаты – это больше чем достаточно. Пусть научатся терпеть друг друга.

Хорошо ему говорить. Попробовал бы он сам потерпеть немножко Полину!

И Кира с тоской простонала:

– Неужели совсем ничего нельзя поделать?

– Я бы рад, но... впрочем, у меня есть одна идея.

– В самом деле?

Кира вновь почувствовала воздух свободы. Впереди замаячила перспектива избавления от Полины.

– Ваша Полина, насколько я понял, учится уже на последнем курсе?

– Да. Именно так.

– Значит, почти что дипломированный специалист. Отлично, отлично. У меня есть к вашей Полине одно предложение.

– И какое же? – подозрительно осведомилась Кира. – Надеюсь, ничего неприличного вы от девочки не потребуете?

– Полина поедет в усадьбу к одному моему хорошему знакомому. Он недавно приобрел некое вконец разрушенное дворянское гнездо, восстановил его практически из ничего и теперь желает получить кое-какие настенные и потолочные росписи внутри дома.

– И вы хотите, чтобы студентка-недоучка занялась реставрационными работами в музее?

– О! Это вы льстите! – засмеялся ректор. – До музея этой усадьбе очень далеко. Я там был, самый обычный дворянский дом начала прошлого века. Роспись, как я думаю, там делали деревенские мастера. Ничего ценного в той мазне я не увидел. Куда проще было бы создать новые эскизы и покрыть дом хорошей росписью. И тем не менее мой друг хочет, чтобы именно эта роспись, которая присутствовала в доме до революции, была восстановлена.

– А ее там много?.. Ну, этой росписи, имеется в виду?

– Много. Несколько жилых комнат, столовая, бальный зал.

– Ого! Боюсь, Полина одна не справится. Конечно, она очень старательная и усердная девочка, но одной ей такой объем работ не потянуть.

– А и не надо! Там уже трудится целая бригада наших студентов. Живут больше месяца, почти всю работу уже сделали.

– Работают они там на общественных началах, надо полагать? – не удержалась от подколки Кира. – Без всякой серьезной оплаты своего труда?

Не стоило ей этого говорить, потому что ректор насупился и спросил напрямик:

– Вашей Полине нужно место в общежитии? Учиться ей еще целый год. А работа в усадьбе займет от силы пару недель. Там уже почти все закончено, нужно лишь дописать лица и некоторые детали росписи.

– А те ребята без Полины не справятся?

– Они все работали на подхвате у Ноя.

– У кого, простите?

– Ной Израк – гордость всей нашей академии. Немножко капризный, немножко взбалмошный, немножко неорганизованный, но гений... бесспорно, гений. Очень способный юноша. Он возглавлял реставрационные работы в Копках.

– Где? – снова не поняла Кира.

– Деревня Копки. Сейчас там остаются жилыми всего несколько домов. Но здание дворянской усадьбы, о котором я вам говорил, нынче уже восстановлено, и сама усадьба называется так же – Копки.

– Хорошо. Но этот Ной... Он все еще в этих Копках?

– В том-то и проблема, что нет.

– А где же он?

– Понимаете, он исчез.

– И даже не объяснил, куда именно?

– Наши студенты... к ним нельзя подходить с обычной меркой. Все они гении, именно так они к себе и относятся. И Ной не исключение. Юноша очень одарен, очень! Но при этом он... как бы это помягче выразиться, он бывает... не вполне пунктуален. Лично я думаю, что во время работы в усадьбе вдохновение его оставило, работа показалась скучной, и он отправился

по своим делам. Конечно, он вернется, но сроки... Моему другу нужно въехать в усадьбу уже через неделю. Максимум через две! А отделочные работы еще не закончены!

– Значит, Ной бросил своих подопечных, недоделанную работу и попросту удрал?

– Да, но я не сержусь на него за это. Гений имеет право на некоторую чудаковатость.

Но Кира покачала головой. Лично она занималась бизнесом уже не первый год. И могла сказать совершенно точно, иметь дело с человеком, который не выполняет своих обещаний, очень проблематично. Будь он там хоть трижды гением, но если он не умеет держать свое слово, лучше с таким человеком дела не иметь. Лично она не стала бы нанимать такого человека к себе на работу и вообще постаралась держаться от него подальше. Однако ректор был о своем любимом студенте диаметрально противоположного мнения.

– Гений! Чистой воды гений! Ной Израк! Помяните мое слово, вы еще услышите это имя, и не один раз.

Ректор даже не представлял, насколько он был близок к истине. Вот только услышать про юношу с библейским именем Ной друзьям пришлось совсем не в тех обстоятельствах, какие имел в виду господин ректор.

Едва выйдя из кабинета начальства, Кира набрала номер подруги и пересказала ей слово в слово то, что услышала от ректора.

– Другими словами, он обещает Полине место в общежитии, если она сделает работу, которую ей делать совсем не полагается?

– Место в общежитии Полине тоже не полагается, не забывай об этом.

– Я и не забываю, но все-таки отправить девочку одну в какую-то непонятную усадьбу...

А вдруг там нет условий для нормального существования?

– Студенты живут в усадьбе больше месяца.

– Но сейчас уже осень. Ночами становится все холодней.

– Согласна.

– И учеба... – продолжала колебаться Леся. – Почему студенты не справились с работой до начала занятий?

– Не знаю. Но у них там вроде бы возник какой-то форс-мажор.

– Еще и форс-мажор какой-то нарисовался, – проворчала Леся и тяжело вздохнула: – Ох, не нравятся мне все эти форс-мажоры. От них добра не жди!

У Киры и у самой было как-то беспокойно на сердце. И поэтому, благо она еще не ушла далеко от кабинета ректора, она вернулась обратно и поставила ему твердое условие.

– Мы поедем вместе с Полиной и проконтролируем, как ее там встретят. Если Полине что-то не понравится, то мы просто развернемся и уедем.

– Пожалуйста. Но я не понимаю, что вам там может не понравиться. Места просто чудесные. И Ной... Вашей Полине будет полезно поработать под его руководством.

– Вы же говорили, что он уехал?

– Возможно, он туда уже вернулся. С этими гениями никогда нельзя ничего предугадать.

– Так, я что-то не понимаю. Вы хотите, чтобы Полина заняла место Ноя?

– Да.

– А если мы приедем, а юноша уже там и работает?

– Это ничего не меняет. Тогда ваша Полиночка поступит в его распоряжение. С ее помощью, я уверен, ребята наконец закончат работы в усадьбе. Так что? Договорились?

Кира обреченно кивнула. Правда, деревня Копки, куда им предстояло ехать, находилась всего в трех часах езды от города, так что можно было успеть смотаться туда и обратно всего за один день. И все равно на сердце у Киры было как-то тяжело. Не нравилось ей предложение ректора, хоть ты тресни. И хоть Кира вертела его так и этак, пытаясь понять, в чем тут подвох и что ее настораживает в этом предложении, найти ответ она так и не смогла.

– Вроде бы все четко и предельно ясно. А вот беспокойно на душе, хоть что делай!

Однако Полина, когда Кира рассказала девушке о предложении ректора, пришла в неожиданно бурный восторг.

– Мне? Дадут место в общежитии? За то, что я поработаю в одной бригаде с Ноем? О-о-о!

– Тебе не нравится?

– Наоборот! Это же моя мечта!

– погоди радоваться. Я так понимаю, работы там очень много. Недаром ректор так суетится.

– И что? Мне все равно! Я буду работать с самим Израком! И потом я поселюсь в общежитии и буду жить с другими ребятами! Ни мамы, ни Виктора Степановича, ни вас рядом! Это же все, о чем я мечтала!

– А мне казалось, что тебе нравится у нас дома.

– Нравится... да... но... тетя Кира, будем говорить откровенно, вы все уже старые. А я хочу общаться с ровесниками.

И прежде чем Кира успела прийти в себя от такого оскорбления, Полина снова заверещала:

– Тетя Кира! Вы лучшая на свете! Как вам только это удалось?

– Не знаю. Наверное, с годами наработала навык общения с людьми, – ядовито произнесла Кира. – Ты тоже научись, когда станешь такой древней старухой, как я.

Но Полина даже не распознала яда. Юности свойственна некоторая слепота и глухота в отношении своих близких. И сейчас Полина могла лишь радоваться той удаче, которая выпала на ее долю. Думать ни о чем другом она просто не могла. Будущее рисовалось ей в самых радужных красках. И, как без труда поняла Кира, личность Ноя сыграла тут далеко не последнюю роль.

Глава 2

Ранним утром вся компания отправилась в путь. Проводить Полину к месту ее практики вызвались все. Речь шла о людях, Фантик и Фатима были, разумеется, не в счет. Обе кошки были уже не первой молодости и давно избегали публичных выступлений. А вот Эдик с Лисицей хотя с вечера и не демонстрировали желания поехать с подругами и Полиной, но утром неожиданно вышли вместе с ними. А Лисица так тот даже и заявил:

– Поедем на моей машине! Домчу с ветерком!

Как подозревали подруги, мужчины просто не могли поверить в свое счастье, в то, что наконец-то они избавятся от надоедливой рыжей попрыгушки, изводившей их все последние дни. И теперь они хотели лично убедиться, что Полина пристроена и назад к ним уже больше не вернется.

Сама Полина была оживлена сверх обычной меры, если таковое определение вообще могло быть применимо к этой и без того чересчур резвой девчужке. Всю дорогу Полина, не замолкая, рассказывала о том, какой замечательный человек, талантливый студент и вообще будущий гений этот Ной Израк, с которым ей предстояло трудиться бок о бок. Справедливости ради надо сказать, что Полина лишь повторила слова ректора, разве что с куда большей эмоциональностью.

– Признайся, ты немножко влюблена в этого своего Израка? – спросила у нее Леся, когда ей удалось втиснуться в сплошной словесный водопад, извергаемый Полиной.

– Да что ты, тетя Леся! Он на меня и не смотрит!

– Но вы ведь на одном курсе?

– Да, но в разных группах. И потом... Израк... он знаете какой?

– Ну какой же, какой? – поддразнивали ее подруги. – Небось, с двумя руками и двумя ногами, одной головой и двумя глазами. Почему бы тебе в него и не влюбиться?

– Да что вы! Ной – он только искусством интересуется! У него и девушки нет!

– Ты уверена?

– Никогда рядом с ним ни одной девицы не видела.

– Ага! Значит, присматривалась! Ну, признайся же, ты в него влюблена?

Полина залилась краской и неожиданно замолчала. А подруги, пораженные сверх меры таким поведением своей юной гостьи, не знали, что теперь и подумать. Неужели у Полины в самом деле завелся сердечный дружок? По всей видимости, так оно и есть. Полина влюблена в Израка, поэтому работа в коллективе, который он должен, по идее, возглавлять, вызывает у нее такой восторг. Вот только сам Израк о привалившем ему счастье даже не знает.

Хотя если вспомнить слова ректора про парня, то этот гений казался подругам очень избалованным. Полина, насколько они могли судить о девушке, тоже прогибаться ни под кого не намерена. Трудно даже предположить, что может вылиться из отношений двух таких неподходящих друг другу людей.

Деревня Копки оказалась ничем не примечательной маленькой деревушкой, где жилых было всего четыре дома, да и то в трех из них жили смуглые выходцы из солнечного Узбекистана. Их многочисленные детишки выскочили из дома и прижались к дырявой ограде, провожая пугливыми взглядами проехавшую мимо них машину.

– Такими темпами лет через сто среднестатистический гражданин у нас в России будет черноглазым и низкорослым, – заметил Эдик.

Никто ему не ответил. Картина говорила сама за себя. Ведь еще сто лет назад в этой деревне были заселены все дома. А пятьдесят лет назад в том самом доме, где нынче обитали

смуглолицые ребята и их родители, жили коренные жители этих мест – высокие, статные и русоволосые. И где-то теперь их потомки?

Но после безрадостной деревеньки Копки местность постепенно делалась все более и более живописной. Вскоре они въехали в чудесный старый парк. Конечно, за годы советской власти он страшно зарос и пришел в полнейшее запустение. Так что теперь он куда больше напоминал настоящий лес. И все же было видно, что за старым парком присматривают. К примеру, через него прямо до ворот усадьбы была проложена отличная дорога, правда, грунтовая, но насыпанная поверх старой дороги, она была ровной и гладкой, словно скатерть.

Вдоль этой дороги росли старые дубы. Многим из них перевалило уже за сотню лет. Не все они уцелели за годы лихолетий, выпавшие в нашей стране на двадцатое столетие. Но те дубы, что уцелели за эти страшные годы, засыпали дорогу ковром поспевших желудей. Твердые плоды хрустели скорлупками под колесами машины. И казалось, что вся компания едет по сухарикам.

– Сколько желудей в этом году!

– Урожай на желуди – жди холодной зимы, – с видом знатока заявил Эдик. – Природа специально подготавливает богатое угощение для лесных животных, чтобы тем было на чем запастись жирок на зиму.

Вскоре показалась и сама старинная усадьба. Впрочем, старинной ее назвать было трудно. Строительство центрального здания было начато в конце девятнадцатого и закончено в самом начале двадцатого века. Отделочные работы в некоторых подсобных пристройках усадьбы еще велись, когда грянула Великая Октябрьская революция. Хозяевам пришлось спешно собирать вещи и эмигрировать в Европу или куда подальше. Пожить в своем новом доме они толком так и не успели.

– После революции тут одно время был детский дом, потом дом инвалидов, потом сделали санаторий для страдающих грудными болезнями. А когда здание окончательно пришло в упадок, то его не стали реставрировать или как-то иначе приводить в порядок, оставили как есть.

И в таком состоянии – с прохудившейся крышей, с выбитыми стеклами, с облупившейся и осыпавшейся штукатуркой здание простояло вплоть до самого двадцать первого века, когда его выкупил один предприниматель, который и привел здание в порядок.

– Тут одни стены и были, когда начались восстановительные работы. Но ничего, теперь никто и не скажет, что еще год назад тут возвышались одни руины.

Этот рассказ друзья услышали от юркого парнишки – рыженького, мелкого и веснушчатого до такой степени, что просто не верилось. Особенно выделялся нос. Казалось, что у парнишки не нос, а рябое кукушкино яйцо. Тем не менее именно он возглавлял в отсутствие Израка работы по реставрации росписи. И он же провел для гостей целую экскурсию по усадьбе.

Впрочем, держаться он старался поближе к Полине. И, как подумали про себя подруги, для них одних парнишка экскурсию бы не стал проводить.

– Тебя как зовут-то?

– Гоша, – ответил их юный экскурсовод и продолжил: – Лишь несколько лет назад здание бывшей усадьбы Копкиных было признано объектом, не представляющим исторической ценности, и выставлено на торги.

Голос у Гоши был низким, басистым. Подруги могли поставить головы в заклад, что таким важным Гоша сделался исключительно ради Полины, ради того, чтобы произвести на девушку наилучшее впечатление. Но все было напрасно. Взгляд у Полины сделался рассеянно-печальным, едва только ей довелось услышать, что Израка в усадьбе нет. Он до сих пор так и не вернулся.

– И вот теперь реставрация усадьбы почти что закончена. Нам осталось доделать сущие пустяки, но без этих пустяков как раз вся работа и не будет принята. Полина, у тебя ведь пятерка по портрету?

– Что? Ах да, твердая пятерка.

– Может быть, ты закончишь за Израка?

– Думаю, лучше подождать Ноя.

– А что, если он не вернется? Его уже два дня нету. Третий пошел. А часики тикают. Через неделю, максимум через две, хозяин хочет принять объект. Если увидит, что лица не прописаны, Евгению Павловичу нажалуется.

Кира знала, что Евгением Павловичем звали ректора, к которому она обращалась. Ректор и не скрывал своих дружеских отношений с нынешним владельцем усадьбы. И внезапно Кире стало интересно:

– Ребята, а ректор пообещал вам заплатить?

– Ага. Немного, конечно. Вызови он профессиональных мастеров, те бы ему раз в тридцать больше цену зарядили. Но мы пока что студенты, например, я вообще на третьем курсе.

И Гоша смущенно покосился в сторону Полины. Вдруг она начнет его презирать за это? Но Полина вновь потеряла нить повествования. Похоже, ей не давала покоя одна мысль.

– Гоша, а как получилось, что Ной пропал? – наконец не выдержала девушка. – Он что-нибудь говорил, куда собирается?

– Говорить-то говорил, только мы не очень ему поверили.

– Почему?

– Так ведь он дурь себе в голову вбил. Решил, что знает, где спрятан клад копкинский.

– Какой клад?

– Ну, Копкины эти, когда из своего имения в семнадцатом году драпали, они свои драгоценности в надежном месте схоронили. И не так, как прочие, только серебро и золото, а вообще все ценное, что в доме было, в специальные ящики заколотили и спрятали где-то неподалеку.

Полина к известию о существовании сокровища отнеслась прохладно. А вот Лисица с Эдиком неожиданно заинтересовались:

– Расскажи-ка поподробнее об этом, дружок.

– Да я не знаю ничего, – развел руками Гоша. – Это все Израк... Он искать начал.

– И что же, Ной решил, что он знает, где этот клад находится?

– Ну, не то чтобы он точно знал. Но говорил, что клад где-то неподалеку зарыт.

– А где именно?

– Они с Ваником в лес ходили, – нехотя признался Гоша.

– А Ваник тоже пропал?

– Нет, тут он. Работает.

– Ты с ним разговаривал?

– Бесплезно. Он только сказал, что Израк его в лес водил, в какую-то нору спускался.

– В нору?

– Ну, нору или берлогу. Я не знаю, как это правильно будет. Израк какую-то дыру в земле нашел, вбил себе в голову, что клад там. Подговорил Ваника, тот у нас самый сильный физически, чтобы он с ним пошел. Ну, Ваник вообще людям не умеет отказывать. Потом он нам рассказал, что они с Ноем с собой веревку брали, Израк внутрь один спустился, Ваник его страховал. А потом Ваник нашего Израка назад поднял, и тот ему сказал, что ничего там внизу нету. А следующей ночью исчез.

– И где? Где эта нора или берлога? – заволновался Лисица еще больше. – Этот Ваник помнит?

– Помнит-то он помнит, только показать не может.

– Почему?

– Дорогу забыл. Когда Израк пропал, мы первым делом подумали, что он один ночью за кладом решил сходить. Ну а впотьмах то ли заблудился, то ли из той норы выбраться не смог. Он ведь хилый, Ваника потому с собой и позвал, чтобы было кому помочь назад выбраться.

– И что дальше?

– Мы Ваника попросили, чтобы он нам дорогу показал. Мало ли что...

– А он?

– А он в лес пошел, да только не нашел дороги. То ли забыл, то ли еще что.

– Слушай, а мы можем поговорить с этим Ваником?

– Пожалуйста, – вежливо произнес Гоша. – Если вы сумеете его заставить сказать и показать, куда они с Израком ходили, то нам всем хорошо будет. А то на сердце у меня неспокойно. Израк один ушел, ни вещей теплых с собой не взял, ни еды, ни даже денег или документов! Все вместе с его вещами осталось.

– И даже документы?

– Ага. И студенческий, и проездной, и даже паспорт.

– Ну, если паспорт оставил, тогда дело серьезно, – сурово произнес Лисица.

– Вот и я о том же, – вздохнул Гоша.

– В полицию сообщили?

Почему-то Гоша покраснел.

– Ну, мы хотели пойти... Но потом я вспомнил, как у меня брат пропал. Тетя с дядей тоже в полицию ходили, так им сказали, что надо три дня ждать. Кстати, брат мой и правда через день нашелся. Оказывается, он с друзьями на даче затусил, а родителей предупредить забыл.

Ох уж эти детки! Вот уж верно говорят: маленькие детки – маленькие бедки, подросли детки, подросли и бедки.

– Все равно нужно было сходить. Попытаться!

– И чего? Ну, велели бы и нам ждать. Я тут проходил мимо их отделения, видел здешнего начальника. Харя у него... Во!

И Ваник широко расставил руки, показывая размер физиономии местного полицейского начальства. Размер, прямо сказать, впечатлял. Чтобы отъесть такую ряху, нужны долгие годы безупречной службы.

– Такой кабан, что ваще! В приемной полно народу к нему сидит, а он и в ус не дует. Сидит, важный такой, бутерброд с салом наворачивает. Мне бы того бутерброда на пять завтраков хватило! Нет, к такому нечего и соваться.

– Родителям надо было сообщить!

– Так мы не знаем, где их искать-то! Евгению Павловичу сообщили, а больше у нас никаких координат для связи с родными Израка нету. Все, что могли, мы уже сделали. Даже Ваника несколько раз в лес таскали, все надеялись, что вспомнит. Нет, память ему как отшибло.

– Ну, молодцы, молодцы, – рассеянно похвалил юношу Лисица. – Веди нас к этому Вану, будем ему память освежать!

Ваник оказался пухлым розовощекимым мальчиком с ярко выраженной грузинской внешностью. Он стоял на деревянных козлах и водил кистью по стене – расписывал плащ на средневековом витязе, гарцевавшем посредине поля в компании своих коллег-воинов.

– В этой комнате хозяин планировал хранить свою коллекцию оружия и вообще хотел сделать себе кабинет. Поэтому мы решили, что тематику лучше выбрать древнеславянскую. Композицию сам Евгений Павлович привез. Сказал, что жена заказчика нашла где-то фотографии росписи, бывшей прежде в усадьбе, и желает, чтобы ее повторили в точности как было.

Что-то подобное господин Ратковский говорил и Кире.

– Ну, заказчик пожелал, а мы осуществили.

На картине был изображен отряд русских воинов, собирающихся на битву.

– Кони до чего хороши! – прошептала Леся. – Просто как живые.

– Животных у нас Гриша Зверев рисует. По части лошадей у него большие успехи. Мы его даже Клодтом дразним. Тот тоже как руку на лошадях набил, так и штамповал их до самой смерти.

Но что ни говори, а кони впечатляли. Они были горячими, из ноздрей у них валил пар. Казалось, так и полетят сейчас птицами по полю, назло темной басурманской силе, которая уже появлялась из-за леса в виде сплошной черной массы.

За спинами витязей в алых плащах шли ополченцы с хоругвями в руках, а на самом переднем плане на белом коне был князь Александр Невский, что следовало из надписи над его головой. Во избежание ошибки надпись была сделана хоть и стилизованными под старину, но вполне читаемыми буквами по белой ткани. И ее держали в клювиках два упитанных белых голубя, размерами больше напоминающие грифонов.

– А что? Мне нравится.

– Впечатляет.

Вот только картина была еще не закончена. И лица у всех людей были либо намечены, либо вообще зияли пустыми местами. Только у одного крайнего витязя имелись глаза и рот. И суть проблемы встала перед друзьями со всей своей очевидностью. Именно Израку предстояло закончить ту работу, которую начали его друзья.

Ваник был явно рад возможности оторваться от наскучившей ему работы. Он быстро спрыгнул с козел и принялся болтать о том о сем.

– Надоело тут, домой уже хочу. Мама хачапури испечет, папа пива купит. Родные придут, посидим, попьем, хорошо время проведем.

– Много у тебя родни?

– Мама у меня грузинка, а отец русский, из Рязани, – пояснил Ваник. – С обеих сторон родни полно. Кого в гости пригласить, всегда найдется.

– И братья-сестры у тебя тоже есть?

– Нет. Я у родителей один. Только папа всегда смеялся, что мамина кровь во мне над его кровью верх взяла. Все папу за эти слова укоряют, а мне кажется, что только настоящий мужчина может признать, что женщина, пусть даже такая замечательная, как моя мама, могла его хоть в чем-то превзойти.

– Ладно, давай ближе к сути дела, – прервал разболтавшегося полугрузина Лисица. – Ты ходил с Израком в лес?

– Ходил, да. Он сказал, чтобы я ему помогал.

– И что тебе пришлось делать?

– Так я уже говорил. Израк веревку с собой взял, привязал ее к одному дереву, а потом велел мне его страховать. И когда он за веревку подергает, чтобы я его вытащил назад.

– И ты все сделал?

– Ага. Легко! Ной у нас дико талантливый, это все говорят, да и я сам согласен. Но вот по части телосложения он того... подкачал.

– Худой?

– Ага. И мелкий. Весит от силы килограммов шестьдесят. Да я столько весил, когда еще в пятый класс ходил.

Ваник был крепким парнишей. Под наслоениями жира, нагулянного на маминых хачапури, просматривались сильные мускулы. Ной знал, к кому обращался за помощью.

– Но ночью он ушел без тебя?

– Ага. Я уже говорил это. Без меня ушел.

Круглое простодушное лицо Ванника светилось искренним недоумением. Никак невозможно было заподозрить такого славного юношу в том, что он сделал что-то нехорошее.

– Ну а место, куда вы с Ноем ходили, показать можешь?

– Нет. Не могу.

– Почему?

Ваник замялся.

– Забыл?

– Вроде того. Не то чтобы совсем забыл, но до конца все же не помню, – признался он. – Помню, там дерево было большое.

– Ну еще бы, это ведь лес. А в лесу полно деревьев. В том числе и больших.

– Нет, это особое было дерево, – покачал головой Ваник. – Ной сказал, что оно тут чуть ли не с языческих времен растет. На нем еще ленточки были.

– Ленточки?

Это заинтересованное восклицание исходило от Полины. Если рассказ Гоши она слушала с полнейшим равнодушием, то когда речь повел Ваник, заметно оживилась. То ли на нее произвела впечатление его приятная внешность, то ли она обрадовалась возможности поговорить о том, что ее сильно волновало, – о подробностях исчезновения Израка.

– Что за ленточки там были?

Ваник тоже с интересом взглянул на Полину.

– Ну, всякие там штучки, бусики, ленточки, – пояснил он.

Подруги переглянулись. Разноцветные ленты повязывали на священных деревьях наши предки – славяне. Но поклонение языческим богам давно ушло в прошлое.

– А дерево какое было?

– С него желудей много насыпалось.

– Значит, дуб.

Но дуб был символом Перуна – главного в пантеоне славянских богов. Предположить, что ленточки сохранились на дереве с языческих времен, было невозможно. Никакая ленточка не выдержит тысячу лет на свежем воздухе, под проливными дождями и суровыми российскими морозами.

– И вы с Израком были возле того дуба?

– Ага. Не совсем рядом с ним, но от него я бы дорогу запросто нашел. Там уже недалеко было. Направо, до большого камня, а потом все время вниз.

Лисица почесал макушку.

– В принципе, если дуб облюбовали какие-нибудь новые волхвы, поклоняющиеся Солнцу, огню или еще каким-то стихиям, то о них должны знать местные.

– Ты этих местных-то видел? – фыркнула Кира. – Они про волхвов и поклонение славянским духам и богам и слыхом не слыхивали.

– Во-первых, тебе уже пора перестать оценивать людей по их внешнему виду. Вполне возможно, что содержание окажется куда глубже.

– Как же!

– А во-вторых, это в Копках живут приезжие, которым, согласен, нет никакого дела до соблюдения языческих обрядов в области. А что, если поехать в другую сторону?

– И что там?

– А там есть еще один населенный пункт – Торфяное.

– Постой! Дай-ка я догадаюсь! Это бывший поселок торфяников?

– С середины и до конца прошлого века тут велись энергичные разработки торфяных болот. Впоследствии деятельность эта приостановилась, хотя полностью и не закончилась. Но она дает жизнь поселку, и поселок сохранился, в нем живут люди, и их немало. И насколько я смог понять из материалов Сети, там есть даже клуб любителей славянской культуры.

– Так что же ты молчал! Ясно, что ленточки на дубе повязали именно они.

– Ну все! Нам туда!

Ваник, который до сих пор молча слушал беседу подруг, неожиданно улыбнулся:

– Как хорошо, что вы приехали! Прямо камень с души. Откровенно говоря, с момента исчезновения Ноя нам тут всем как-то не очень уютно.

– Пустяки, – успокоил его Лисица. – Не о чем и говорить. Сейчас сможем в Торфяное, поговорим с этими любителями этноса. Уверен, что ленточки на дубе – это их рук дело.

– Найдем дуб, найдем и Ноя!

И Полина едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Даже укоризненный взгляд Киры был оставлен ею без внимания. Полина не могла удержать чувств, буквально рвущихся из нее.

Найти клуб любителей славянской культуры и побеседовать с этими самыми любителями оказалось куда проще, чем ожидали друзья. Местные жители мигом поняли, о ком идет речь.

– Ряженые вам нужны? Те, что венки по воде каждое лето пускают?

– Видимо. Знаете, где их найти?

– Идите прямо, там дом прибабахнутой Матроны будет! С ней и поговорите.

Прибабахнутой Матроной в Торфяном называли руководительницу исторического клуба, обожающую устраивать всевозможные реконструкции. Прыжки через костер в ночь на Ивана Купалу, поиски цветка папоротника в лесу, хороводы, Масленица – все это было из ее репертуара. За свое пристрастие к старинным национальным костюмам, венкам, лентам и рубахам до пят члены клуба и получили свое прозвище – ряженые.

– Как пойдут по улице, прямо смех и грех. Что мужики, что бабы, что девки, что ребятня – все ряженые.

– К ним еще и телевизионщики приезжают постоянно.

– И чего они в этих убогих нашли?

– Матрона хитрая. Она сама не работает, других на себя пахать заставляет.

– Вроде как раньше, когда общинную землю всем родом возделывали.

– Только что-то урожай в город одна Матрона возит. И выручкой, небось, со своими тоже не делится.

Однако, несмотря на недоброжелательные отзывы, друзьям дом Матроны понравился. Они увидели его еще издали. Массивное двухэтажное здание, оно напоминало старинный терем с башенками, светлицами, клетями, подсобными помещениями и многочисленными переходами, объединяющими пространство в один большой муравейник.

– Именно так наши предки и строили. Чтобы все под рукой, все под боком.

На доме было вывешено объявление. О том, что это именно объявление, пришлось лишь догадываться. Оно было написано каким-то неизвестным друзьям шрифтом – сплошные загогульки, кружочки и полусферы.

– Это даже не кириллица, это еще глаголица, – сказал Эдик, самый эрудированный из них всех. – Был такой шрифт у славян. Некоторые считают, что он был до кириллицы, другие – что он ходил наравне с ней.

– Но что тут написано?

– Понятия не имею, – искренне признался Эдик. – Думаю, что людей, которые умеют читать и писать на глаголице, во всем мире по пальцам можно пересчитать. Да и тем не особенно есть где разгуляться.

– Почему?

– Текстов на глаголице сохранилось крайне мало, потому что писали тогда уже на пергаменте, а он был дорог. И поэтому старые надписи, в частности на глаголице, скоблились, а на их месте писались новые тексты уже на кириллице.

Все друзья уставились на странное объявление. Но так и не поняв, что в нем, просто постучали в ворота. Потом еще и позвонили в специальный дверной колокольчик, затем покричали полностью в духе старых традиций.

– Гой еси, добры молодцы да красны девицы! Выходите из терема, покажитесь людям добрым!

Но ничего не произошло. Терем был пуст и безлюден.

Ситуацию спас соседский мальчонка. Он давно уже крутился возле друзей, с любопытством глаза на приезжих.

– Вам Матрона нужна? – спросил он у них.

– Нужна.

– В ее секту вступить хотите?

– Пока что хотим просто поговорить с ней. Ты знаешь, где нам найти Матрону?

– В лесу она.

– Далеко?

– Не-а, тут они неподалеку, на полянке сходку сегодня устроили.

– Можешь показать?

– Отчего же и не показать. Я могу!

Но тут же глаза мальчонки лукаво блеснули.

– Вот только в школе мне домашку задали, а я не знаю, как делать. Не поможете? А иначе мне никак вам Матрону не показать. Задание надо делать.

И мальчонка притворно вздохнул. Расчет его был ясен как белый день. Чем ломать голову над сложной задачей самому, куда проще и приятнее, если приезжие дяди и тети сделают ему домашнее задание. Да еще можно будет и в лес прогуляться. А денек-то какой выдался, солнечный, ясный!

– Покажешь нам, где Матрона со своими тусуется.

– А задача?

– А задачку мы тебе по дороге решим.

Далеко идти не пришлось. Матрона со своими единомышленниками находилась всего в полукилometре от поселка. Их высокие голоса разливались над поляной красивыми волнами. Пели они протяжно, но как-то очень легко и даже весело.

– Поют красиво, – одобрил мальчонка, который к этому времени уже получил решенную задачу про два автомобиля, выехавшие из пункта А в пункт Б. – Ну все? Я пошел.

– Погоди, куда ты один?

– Нет, спасибо, я с теткой Матроной дела иметь не хочу. Контры у нас с ней.

– Небось, из-за ворованных яблок? – усмехнулась Кира.

– И еще клубники, – признался мальчишка. – У нее клубника очень вкусная растет. Она за кустиками специально в Финляндию моталась. Ни у кого у нас такой клубники нету, а у Матроны растет. Она ее по триста рублей за килограмм в сезон продает, и люди все равно покупают!

– Значит, ты тетушку Матрону в великий убыток ввел, да еще и недоволен теперь?

– А чего она меня крапивой отстегала? Да еще обещала, что Змию Крылатому меня живьем скормит.

– И ты ей поверил?

– Кто ее знает, – опасливо передернул плечами малец. – В прошлом году к ней Витька Тоший лазил за сливой.

– Сливы у Матроны тоже особенные?

– Сладкие очень и сочные. В рот возьмешь, просто мед. Ну как тут удержишься? Все ребята лазают, и Витька полез. Только не повезло ему. Он ветку на самой большой сливе сломал. Тетка Матрона его поймала и не просто отстегала, она ему еще и пообещала, что сломает он себе голову. И что бы вы думали? Тем же летом Витька со старшим братом на мотоцикле поехал кататься, мотоцикл перевернулся, Витька себе не только голову, но и руки, и ноги переломал.

– И ты считаешь, что это его месть Матроны настигла?

– Люди ее побаиваются. Она ведь не простая сумасшедшая, а ученая. У нее дома книжек просто видимо-невидимо. И все умные! И во всех книжках не по-нашему написано. И она эти все книжки читает, ну, как я букварь могу!

И парнишка начал поспешно отступать подальше от края полянки.

– Чур меня, чур, – приговаривал он вполголоса. – Пойду я от греха подальше. И вам советую обождать. Матрона не любит, когда ее на середине молитвы перебивают.

Послушавшись совета, друзья расположились на травке и с интересом пронаблюдали все действие до самого конца. Было крайне занимательно и любопытно видеть, как эти люди, одетые на старинный лад, вспоминают истоки нашей культуры. Наконец песнопения закончились, хоровод распался на группы и парочки. И стало ясно, что конец церемонии близок.

– Пошли, что ли? – предложила Леся. – На солнышке хоть погреемся.

И действительно, если на полянке, где светило солнце, было еще достаточно тепло, то в лесу и под тенью деревьев осень чувствовалась уже вполне явственно. И, пожившись, Леся произнесла:

– Я все думаю, если парень угодил в ту нору и не может из нее выбраться, не замерз ли он там насмерть?

– Насмерть не замерзнет, но воспаление легких схватить запросто может.

Полина охнула.

– Тем более что, я так понимаю, здоровья он у вас отнюдь не богатырского?

Задавая этот вопрос, Лисица смотрел на Полину. А та помотала головой, причем в глазах у нее стояли настоящие слезы. Судьба безвестно сгинувшего Израка, которую очень реалистично обрисовала всем только что Леся, тревожила Полину не на шутку. И даже присутствие рядом с ней большого и уютного Ваника не могло пока что изменить сути дела.

Глава 3

Матушка Матрона оказалась женщиной лет пятидесяти пяти – шестидесяти. Она была крупного телосложения, с широкими бедрами и внушительной грудью. Сразу было видно, что эта женщина по своему признанию и по сути своей – мать. И мать не только для своих собственных детей, буде таковые у нее имеются, но также и для всех тех молодых людей, которые встретятся ей на жизненном пути.

А по натуре она была добросердечной и доброжелательной женщиной. Услышав, что прибывшие к ней люди интересуются деревом Перуна, она приветливо улыбнулась:

– Да, есть такой дуб в окрестностях. Но показать вам я его не могу.

– Почему?

– Дерево охраняют духи. Они рассердятся, если увидят рядом с ним чужаков.

– Но неужели нету никакого способа умилостивить духов? Нам очень надо, просто необходимо увидеть это дерево.

– Зачем?

– У нас там... у нас там где-то друг лежит.

Матрона смотрела на них с непониманием. Пришлось рассказать женщине правду о том, как потерялся молодой художник Израк, ушедший ночью в лес то ли на поиски сокровища рода Копкиных, то ли по другой какой-то надобности.

– Видела я усадьбу, – кивнула Матрона. – Не скажу, что я в восторге от того, что тут поселится какой-то очередной нувориш, но это к делу не относится. Ребят я тоже видела. А с тем заморышем, о котором вы говорите, даже личную встречу имела.

– И где вы его видели?

Матрона отчего-то замялась. А потом после небольшой паузы все же произнесла:

– Там, у дерева Перунова мы с ним и столкнулись.

Матрона была неприятно удивлена, увидев возле святого для нее места постороннего чужака. Тем более что чужак вел себя очень вызывающе.

– Посмеялся над нашими обрядами, – с гневом произнесла Матрона. – Обозвал нас скорморохами и еще как-то обидно. А потом сказал, что Бог лишь тот, о ком говорится в Пятикнижии. Все иное – скверна и ересь. Подумать только, отчитывать меня вздумал, мальчишка! Да у меня две докторские степени по философии и истории религии, а он мне мораль читать вздумал!

– Вы на него здорово рассердились?

– Еще как!

Друзья переглянулись. На память им невольно пришел рассказ сельского мальчишки о том, как пострадал Витька Тоший от гнева тетушки Матроны.

– Я этому сопляку сразу сказала, будешь возле святого дерева бродить, духов искушать, попадешь в беду!

– А он?

– Думаю, он мне не поверил. Смеялся, во всяком случае, очень нахально.

– А что он там делал?

– Мне показалось, искал чего-то. Но от капища я его шуганула, а про остальное мне интереса узнавать не было.

Спрашивать, что делал Израк возле дерева Перуна, было бесполезно. Но теперь друзья знали, что они на верном пути. И сосредоточили все свои усилия на том, чтобы уговорить тетушку Матрону провести очистительный ритуал и все же упросить духов подпустить чужаков к капищу. После долгих уговоров, мольбы и даже слез (тут уж всю постаралась Полина) знаток древних ритуалов наконец согласилась:

– Хорошо, я знаю, что нужно делать. Сегодня на закате я буду у вас в усадьбе. Оттуда пойдём к дереву Перуна.

– А что нам нужно приготовить?

– Все, что необходимо, у меня будет с собой.

– А прямо сейчас нельзя?

– Прямо сейчас нет, – строго произнесла женщина. – У меня есть и другие дела, кроме того, как искать в лесу заблудившегося молодого нахала.

Она сказала это таким тоном, что всем сразу же стало ясно: просить и умолять дальше просто бесполезно. Если матушка Матрона сказала свое последнее слово, то теперь ее уже сто мулов с места не сдвинут.

– Скажите, но ведь раньше волхвами были только мужчины?

– И что?

– А вы женщина.

– Вы знаете, кем были волхвы?

– Мудрецами, скорей всего, пришедшими к нам откуда-то с Востока.

– А еще?

– Они обладали некими знаниями, которые тщательно оберегали от чужаков.

– Вот именно, – непонятно отозвалась Матрона. – Вот именно.

Но как бы там ни было, а на закате солнца Матрона прибыла в усадьбу Копкиных. Предупрежденные о ее визите студенты держались настороженно. А рыжий Гоша, так тот прямо заявил:

– Про эту тетку говорят, что она ведьма. С тех пор как Израк повстречал ее в окрестностях усадьбы, у нас сплошные неприятности. Мы даже отца Андрея просили, чтобы он оградил нас от ведьмы. Он освятил дом, но неприятности все равно продолжались.

– Неприятности? – насторожилась Кира. – Почему во множественном числе?

– Кроме исчезновения Израка случилось что-то еще, о чем мы не знаем?

– Случилось. И немало. Если перечислять, пальцев на руках и ногах не хватит. И главное, сначала все хорошо шло, работа славно у нас спорилась. Мы даже думали, что управимся раньше срока, еще успеем погулять до начала занятий. И что? Все изменилось после того, как эта тетка в лесу с Израком поссорилась.

– А что конкретно произошло?

– Погода испортилась, дождь зарядил как из ведра. Электричество отключили, мы два дня без света и Интернета сидели. Потом подвал залило, надо было рабочих принимать, за ними следить, чтобы они там ничего не испортили еще больше.

– Но в этом вины Матроны нет.

– Как знать. Израк сказал, что она здорово сердитой была. И дождь сразу же после их встречи зарядил.

– А до того солнце светило, дождем и не пахло.

Ну, эти городские жители вряд ли так уж хорошо разбирались в погоде. Поэтому Кира не обратила особого внимания на их слова, приписав это отчасти суевериям, а отчасти стрессу из-за навалившихся на их бригаду неприятностей, последнюю и самую значительную из которых – исчезновение Израка – сыщикам сейчас и предстояло расхлебывать.

Перед этим у четырех друзей по излюбленной ими привычке возникло маленькое стихийное совещание.

– Что нам делать? Уезжать или оставаться?

– Мы собирались только довести Полину до места, осмотреть все быстренько и уехать еще до вечера.

– Да, помню. Но мы не можем оставить Полину тут в этой непонятной ситуации. Ей предстоит одной проверить огромную работу, и еще не известно, что с этим Израком случилось.

- А что с ним может быть? Болтается где-то... поблизости.
- Впрочем, в голосе Эдика не слышалось убежденности. И Кира хмыкнула:
- Болтается! А вдруг он погиб?
- Типун тебе на язык! – испугалась уже и Леся. – Пусть мальчик будет жив и здоров!
- Хотелось бы на это надеяться. Все говорят, какой великий он гений.
- А гении просто так гибнуть не должны.
- Значит, остаемся? Ищем Израка?

Итог этого совещания был один – оставлять Полину в чужом месте и в такой непростой ситуации никак нельзя. Друзья побудут с ней до того, как Израк так или иначе найдется.

– Ему поручили этот заказ, ему и отдуваться за его сдачу или несдачу. А переводить стрелки на Полину, пока он сам там где-то тешит свою уникальность и гениальность, мы не позволим!

И четверка друзей дождалась тетушку Матрону в полном согласии и трогательном единодушии. Впрочем, у Лисицы был еще один повод, чтобы остаться в этом поместье. И точно такой же повод имелся и у Эдика. И теперь друзья выразительно переглядывались между собой, время от времени обмениваясь странными фразами:

- Ночью! Уже сегодня ночью.
- Как мне не терпится, если бы ты знал.
- Это же настоящий клад, а не какая-то там выдумка.

И двое приятелей вновь весело переглядывались, от предвкушения чего-то невероятно приятного едва не потирая ладони. Глаза их блестели. Они оба были оживлены и активно рыскали по окрестностям поместья, пока подруги в обществе Полины и двух других девушек, работавших в бригаде художников, устраивали себе место для ночлега.

– Комнат у нас свободных полно. Проблема с кроватями. Как вы видите, дом еще не меблирован. Мы сами спим на надувном матрасе.

– Не беда. У нас есть спальные, и пенка, и одеяла, и даже подушки. Мы захватили с собой и палатку. Так что если станет совсем холодно, сможем разбить палатку прямо в здании.

– Нет, здание отапливается, – успокоила подруг одна из девушек. – И вода есть, какая хотите, хоть горячая, хоть холодная. Все коммуникации к дому уже подведены, нет только мебели. Готовим мы, к примеру, прямо на газовом баллоне или на костре на улице.

– В доме есть камин, но еще нет дров! Когда Гоша, Гриша, Ваник или вообще кто-нибудь из нас приносит из леса сухостой, топим камин и жарим на нем колбасу.

- Ого! Действительно, условия далеко не идеальные.
- Мы не жалуемся.

– Зато тут есть бесплатный Интернет, – добавила вторая девушка. – Им можно пользоваться сколько угодно.

Доступ в Интернет, что еще нужно человеку для счастья! А давно ли еще мы и понятия не имели, что почти все поголовно будем его верными рабами.

Вскоре Кира с Лесей разобрались в ситуации. Газ в доме есть, а вот газовой плиты нет. Принять душ или даже ванну вполне возможно, а вот посмотреть на себя в зеркало – нет. Спать, судя по всему, им придется на полу. Но ко всему можно привыкнуть. Тем более что задерживаться надолго подруги не собирались. У них имелась теория относительно того, куда мог запропасться Израк.

- Наверняка он в этой норе, куда таскался с Ванником.

– Точно! Свалился, а выбраться не может. Кругом лес, кричи или не кричи, никто не услышит.

– Но я удивляюсь нашей полиции! Им прямо говорят, что с человеком случилось несчастье, а они и в ус не дуют!

При этих словах возмущенной Киры одна из девушек потупила глаза, а вторая залилась краской.

– Что? – посмотрела на них Кира. – Что я не так сказала?

– Нет-нет, вы все правильно сказали, – залепетали бедняжки. – Это мы... мы виноваты все.

– В чем вы виноваты?

– Мы не ходили в полицию.

– Как?

– Почему?

– Мы были уверены, что полиция в курсе!

– Ну, понимаете... Израк, он такой загадочный... Он иногда выкидывал очень странные штуки.

– И раньше случалось, чтобы он уходил и пропадал? – догадалась Кира.

И девушки с явным облегчением закивали головами.

– Да, да, иногда он мог прямо с занятия подняться и уйти. И все, неделю его нет в академии. На телефонные звонки не отвечает, дома или где он, не понятно. Жив или не жив, тоже не понятно. Все ломают головы, что могло вывести нашего гения из себя. Разговоры, обсуждения...

– А спустя недельку или около того Израк обратно приходит.

– Ясное дело, снова шум, разговоры. Что с тобой было? Где ты был?

– Все волнуются, снова Ноя обсуждают. Что с ним будет? Да простит ли его ректор?

Разговоры, пересуды!..

– А Нюю только этого и надо!

– Он просто обожает, когда про него говорят, когда его хвалят.

– Самолюбив без всякой меры!

– А если спросишь, где ты был, говорит, что отдыхал от нас.

– То есть мы его утомляем!

Девушки, заговорив про Израка, дали волю своему возмущению. И Кира решила уточнить:

– Я так понимаю, вы Ноя недолюбливаете?

Этот вопрос вызвал у девушек новый всплеск эмоций.

– А как он с нами поступил! Сначала ничего делать не хотел, кривлялся, что не может эту мазню в жизнь претворять. А потом и вовсе исчез!

– Выпендривается, я уверена!

– Нет, я понимаю, что он у нас гений, но все-таки человек он совершенно неприятный.

– Я бы замуж за такого не хотела.

– Ни в коем случае!

Кира не выдержала и покосилась на племянницу:

– Слышишь, что люди про твоего Израка говорят?

Реакция Полины была удивительной. Она швырнула на пол одеяло, которое держала в руках, и с криком: «Ну, тетя Кира! Кто вас просил рот открывать!» – унеслась прочь. Кира оторопела. Она привыкла к поведению своей родственницы, но такую выходку не ожидала даже от нее.

– Что это с ней? Чего она так разоралась?

– Похоже, ты случайно задела больную струну в ее душе. Полинка действительно влюбилась в этого Израка.

– Но я же не знала! Я же в шутку!

– А для нее все очень серьезно. Может быть, это вообще ее первая любовь.

– Если так, – вступила в разговор одна из девочек, – то мне Полину жаль.

– Израк – совсем не хороший человек.
– Избалованный.
– Самовлюбленный.
– По сути, он так и не вырос.
– И хороший муж из него вряд ли получится.
– Израк любит только самого себя. Жить с ним под одной крышей, мне кажется, – настоящий кошмар.

Если Израк таков, как о нем говорят, то Кира была согласна с девушками. Но ей захотелось узнать о семье Израка.

– А как он живет? Где? С кем? Кто его воспитывал? Мама? Бабушка? А папа у него есть? Но ничего этого девушки не знали.

– Никто и ничего не знает про нашего Израка.

– Как? – удивилась Кира. – Он не рассказывал о себе?

– Никому и никогда! – торжественно подтвердили девушки. – Мы знаем только адрес, где он прописан.

– Но он там не живет. Потому что когда он первый раз исчез, то активисты группы ходили к нему. Но их встретила какая-то злобная старуха, которая спустила их с лестницы и еще кричала, что этого гаденыша она на свой порог никогда не пустит. А коли появится еще, так она его кипятком обольет или сковородой пристукнет.

– Ничего себе! Чем это он ее так допек?

– Ребята сказали, что бабка просто вне себя и не в себе. Так что больше никто к Израку домой не совался. Ну а он сам своего адреса не оставлял.

– А телефон?

– Только сотовый номер. Но и его он запросто мог отключить. Для Израка таких понятий, как вежливость, дисциплина, ответственность перед другими, не существует.

– Абсолютно отвязный парень.

– Да-да, бывают такие, – машинально пробормотала Кира, хотя мысли ее в это время крутились в другом направлении.

Если этот Израк настолько безответственный тип, зачем ректор поручил работы по отделке имения именно Ною? Ведь если парень ненадежен, то подвести он мог в первую очередь самого ректора. Это он рекомендовал своих студентов своему же знакомому. И Израк по какой-то причине оказался в их числе.

– А ведь здешняя работа гениальности отнюдь не требует, – задумчиво пробормотала Кира. – Скорее, даже наоборот.

Задумавшись, она сама не заметила, как заговорила вслух. И когда очнулась, то застыдилась.

– Ой, извините меня, девочки. Не в обиду вам это сказано. Уверена, вы обе умницы и отличницы.

– Да нет, вы все правильно сказали. Мазня страшная, если честно. Ну а что нам делать? Ректор нам уже готовые эскизы продемонстрировал. Сказал, что заказчица их одобрила. Что такие или похожие картины были в прежних интерьерах усадьбы. Кто уж старым хозяевам такую красоту изобразил, мы у него не спрашивали. А насчет этих картин прямо сказали, что могли бы нарисовать лучше.

– Но раз клиенту нравится именно так, наше дело воплотить его мечту в жизнь. Нас для этого сюда и пригласили.

– Только одно дело мы, а совсем другое – Израк. Он как взглянул на то, что придется малевать, сразу же отказался работать.

– И вы сообщили об этом Евгению Павловичу?

– Ной сам ему позвонил. Сказал, что не будет работать.

– Вы лично это слышали?

– Начало разговора – да. Но потом Ной тон как-то сбавил, подальше от нас отошел, а когда вернулся, то выглядел как побитая собака. Ничего нам не сказал, но вещи свои разобрал и остался в усадьбе.

– Но к работе так и не приступил?

– Откладывал до самой последней минуты. Говорил, что сначала мы одежду, фон и все прочее изобразим, а уж потом он как-нибудь лица нарисует.

– Но это же неправильно!

– Вот и вы это понимаете, и все мы понимали, а только поделаться ничего с Ноем не могли.

– Так он за этот месяц, что вы тут, к работе даже не прикоснулся?

– Мы тут даже больше времени уже живем.

– И Ной ничего не сделал?

– Рисовал что-то, но исключительно от себя.

– А что?

– На втором этаже есть комнатка, там планируется детская для детей хозяина. В ней роспись не требовалась. Хозяин собирался украсить детскую дизайнерскими аппликациями. Но Израк ведь всегда все по-своему норовит сделать. Он там работал.

– А можно посмотреть?

– Конечно. Пойдемте, мы вам покажем его работу.

Детская была большой и светлой комнатой, но и она была совершенно пуста. Стены были безупречно ровными и гладкими. И лишь в одном углу творилось что-то непонятное. Там была нарисована приоткрытая дверь, из которой робко выходили какие-то фигуры. Подойдя поближе, подруги увидели, что тут есть Карлсон с Малышом, и Аленушка с братцем козленочком, и семеро гномов, робко выглядывающих из-за двери. Были тут и современные герои-мультяшки. Смешарики, фиксика, Маша с Медведем и другие.

Все герои выглядели как живые. Казалось, что если к ним протянуть руку, то они протянут в ответ свою. Выражение лиц и мордочек у каждого было свое. Например, козленок выглядел слегка напуганным, у него даже шерстка на загривке встала дыбом, Аленушка была явно недовольна или чем-то озабочена, Карлосон был явно не прочь пошалить, а Малыш, даже дураку было понятно, здорово опасался, как бы им за это не влетело.

– Потрясающе! – только и смогла выдохнуть Кира. – Просто не оторваться.

Она машинально взглянула на часы и с удивлением убедилась, что прошло уже полчаса с того момента, как они поднялись в эту комнату.

– Вот что значит волшебная сила искусства. Время пролетело как одна минута.

– Кажется, я понимаю, почему все так носятся с этим Израком.

Полина не сказала ничего, но в ее глазах снова стояли слезы.

– Пойдем, – потянула ее за руку Кира. – Надо перекусить. Судя по тому, как серьезно Матрона относится к своему делу, нам предстоит долгая церемония заклинания духов.

Полина послушалась, но не сразу. И уходя, она еще раз кинула печальный взгляд на то, что в этом доме сильнее всего напоминало ей о любимом кумире.

Матрона появилась, как и обещала, на закате. Она прикатила на выдавшем виды джипе военного образца, который хоть выглядел неказисто, но зато мог пролезть практически по любому бездорожью.

– Но мы с вами пойдем пешком, – оповестила всех заклинательница. – Одевайтесь.

И она выдала каждому по белой рубашке, украшенной по вороту, на рукавах и подоле вышивкой. Женщинам рубашки полагались длинные до пят, а мужчины надели короткие. Штаны им было разрешено оставить свои собственные. Но зато на головы им пришлось нацепить

смешные мятые шапки с острым верхом. Матрона утверждала, что именно такие носили наши предки.

– Хорошо еще, что без лаптей дело обошлось, – шепотом произнес Эдик, но Матрона его услышала.

– Обувь придется снять, – блеснув глазами, заявила она. – Пойдете босиком.

– Как босиком? – возмутились все. – Холодно ведь уже, не лето!

– Можете обернуть ноги мешковиной или оставить обувь, если она у вас сто процентов кожаная. Но никакого пластика или кожзама! Духи этого материала не выносят!

К счастью, у подруг обувь была кожаная. А вот Полине и мужчинам пришлось разуться. Кроссовки были Матроной забракованы, потому что подошва у них была неподходящая.

– Бред какой-то, – проворчал Эдик, обматывая свои ноги тряпками.

– Кому не нравится, тот может не ходить. Мне же меньше работы. Одно дело просить духов принять и пропустить одного-двух, а совсем другое, когда прется целая компания неверующих. Да, и вот еще, чуть было не забыла.

– Что опять?

– Всем женщинам нужно вплести в волосы ленты.

Ленты Матрона тоже привезла с собой. И девушки охотно, но не совсем умело закрепили их на своих коротких стрижка.

– Ты уж лучше молчи, – посоветовала Эдику после этой процедуры Кира. – А то она еще чего-нибудь придумает и вовсе несусветное или совсем откажется нас проводить. Как мы тогда найдем Израка?

– Я буду помалкивать, – честно пообещал Эдик.

Путь через лес отнял не так много времени, как опасались путешественники. Часа за полтора добрались до места. Но вот перед дубом всем пришлось задержаться надолго. Сначала Матрона в стороне от дерева зажгла костер, долго бормотала над пламенем, воздевая руки к небу или к ветвям дерева, а потом заставила всех своих знакомых через этот костер прыгать.

– В принципе, ничего, даже приятно.

– И не горячо совсем. Я боялась, что пламя обожжет мне ноги, а оно только их облизало.

– И тепло как-то стало внутри.

– Мне понравилось.

Но следующий этап ритуала очищения друзьям понравился значительно меньше. Откуда-то в руках у Матроны появился глиняный сосуд с жидкостью, которой она начала щедро поливать головы и руки собравшихся.

– Это же вода.

– И холодная к тому же!

– Б-р-р!

– Я и так замерз, а она еще воду на меня льет! Ап-чхи!

Но оказалось, что это только половина испытания. Другам пришлось выкопать себе неглубокие ямки, лечь в них обнаженными и слиться с землей-кормилицей. А напоследок Матрона заставила их еще и побегать вокруг дерева, размахивая руками и символизируя собой вечно движущийся воздух – последнюю стихию, с которой следовало примириться перед тем, как пройти дальше.

После этого Матрона объявила, что духи удовлетворены, а сами ее юные друзья очищены от всякой скверны, которая в них накопилась от жизни в городе.

– Были бы вы деревенскими, было бы все легче, – прибавила она напоследок и тут же скомандовала: – Ну а теперь идите, ищите своего Израка!

– Уже можно? – не удержался от сарказма Эдик. Но Матрона ничего не заметила и серьезно кивнула:

– Духи к вам благоволят.

Друзья повернулись к Ванику, который прошел все те же испытания, которым подвергала их Матрона.

– Куда теперь идти?

– Вон туда, – поднял руку Ваник. – Мне так кажется.

– Кажется или точно туда?

– Я не знаю.

– Как не знаешь? – возмутились все. – Вот же дуб Перуна! Ты сказал, что если мы найдем тебе это дерево, дальше ты уже помнишь дорогу.

– Тут все как-то необычно выглядит ночью.

– Что же, нам тут до утра куковать?

– Ну, я попробую вспомнить.

Однако из трех попыток Ваника ничего не вышло. По его словам, колодец или дыра, в которую полез Израк, находилась всего в полукилометре от дерева. Однако друзья забредали гораздо дальше, а никакой подходящей дыры в земле им не встречалось. Шумовой эффект тоже ничего не дал. Напрасно друзья звали на разные голоса Израка, гений не откликнулся. То ли уже выбился из сил и потерял сознание, то ли его тут вовсе не было, то ли они искали не там, где надо.

Устав от бесплодных блужданий по лесу, они сгрудились возле огня, который до сих пор поддерживала Матрона, и стали ждать наступления утра. Несмотря на то, что ее миссия была завершена, а в лесу было довольно сыро и неудобно, Матрона никуда не ушла, а осталась вместе с друзьями. Надо сказать, что ее общество здорово подбодрило их, уже почувствовавших уныние.

С трудом скоротав время до рассвета, друзья вновь подступились к Ванику.

– Ищи давай дорогу! – потребовали они от него. – Даром, что ли, время и силы потратили?

Надо сказать, что Ваник был чуть ли не единственный из всей компании, кому удалось поспать этой ночью. Душевному равновесию этого парня оставалось только позавидовать.

– Уже светлеет? – зевнув, поинтересовался он, а оглядевшись вокруг себя, неожиданно радостно воскликнул: – Да вон туда идти нужно! И как это я ночью этого не понял!

На сей раз Ваник шел гораздо уверенней. И если останавливался, то совсем ненадолго. Никаких колебаний или сомнений на его круглой физиономии не наблюдалось. И все приободрились, предвкушая скорый конец их мытарств. Они продолжали громкими голосами звать Израка, но тот ответа им не давал по-прежнему. Однако это не сильно всех печалило.

– Небось без сознания уже. Мы около костра всю ночь грелись, да и то к утру околели.

– А он один и без огня!

– Ослабел, небось, от голода и холода, звука издать не может.

Наконец Ваник остановился и ткнул пальцем куда-то в кусты.

– Вон тут эта нора.

Все тут же бросились к кустам и, отодвинув низко лежащие на земле ветви, поняли, что дыра в земле имеет искусственное происхождение. Ее края, хоть и заросшие травой и кустарником, когда-то были облицованы камнем. И не просто валунами или булыжниками, круг был выложен обработанными человеком гранитными плашками.

– И что это такое может быть?

– Колодец?

– И кто тут из него воду брал?

Но с ответом никто не спешил. Все затруднялись предположить, откуда в дремучем лесу взялось это отверстие. Что касается Матроны, то она если и знала или догадывалась, друзьям ничего не сказала. Вот только вид у нее сделался совсем хмурым.

Покричали возле колодца, но не добились со дна никакого ответа. Тогда было принято единодушное решение:

- Надо туда лезть.
- Другого выхода нет.

Ваник показал дерево, к которому Израк привязал веревку, по которой первый раз и спустился в дыру. И Лисица, который сам вызвался, повторил его действия. Веревку они с Эдиком принесли с собой. И заранее навязали на ней побольше крупных узлов, чтобы легче было выбираться потом наружу.

– Небось, Израк тоже себе что-то в этом роде придумал. Если ночью он один сюда пришел, то назад только с помощью такой вот веревки мог вылезти.

Лисица спустился вниз, а все столпились возле колодца.

- Ну что там? Что ты видишь?
- Это не колодец! – послышался наконец голос Лисицы. – Это какой-то лаз.
- Израк там?
- Никого тут нет.
- Посмотри получше.
- А я что, по-вашему, делаю?

И словно в подтверждение слов свет фонаря запрыгал по стенкам колодца.

- Ну да, тут ход, – уже уверенней произнес Лисица.
- И куда этот ход ведет?
- Сейчас посмотрю.
- погоди! – внезапно встревожилась Кира. – Один не ходи! Я тоже к тебе спускаюсь!
- Не надо!

Но Кира уже не слушала. Она уцепилась за веревку и ловко лезла по ней вниз.

– И зачем явилась? – сердито спросил у нее Лисица. – Хочешь мои лавры себе присвоить? Типа, самая храбрая?

– За тебя, дурак, беспокоюсь! Не нравится мне это место. Один товарищ тут уже исчез. Не хочу, чтобы и с тобой произошло нечто подобное.

Говоря это, Кира с любопытством оглядывалась по сторонам. Стены тут были земляные, пол и потолок уходящего куда-то в глубь земли хода тоже. Когда-то в земляных стенах были сделаны углубления вроде лестницы, с помощью которых можно было подняться из колодца или спуститься вниз. Но со временем земля осыпалась, ступени разрушились. И теперь спуститься в колодец можно было лишь с помощью лестницы или веревки.

Но сильнее всего девушку заинтересовал темный ход, который начинался из шахты колодца и вел куда-то в темноту.

- Ну что? Пошли?
- Я пойду первым.

Кира не стала спорить. Если Лисице так важно быть героем, она совсем не против. Лично ей важнее другое. Чтобы с ее драгоценным Лисицей не случилось чего худого.

Впрочем, далеко он уйти не сумел. Они с Кирой преодолели всего несколько десятков метров, как он внезапно произнес:

- Тут тупик. Земля осыпалась, и уже не пройти. Нам надо возвращаться назад.

Но Кира не первый год знала своего мужчину. Она успела изучить все интонации его голоса. И сейчас, судя по тому, как дрогнул голос Лисицы, она понимала, дело совсем не в том, что ход дальше завален. Лисица нашел что-то такое, что не хочет показывать ей.

Узкий проход, по которому с трудом мог протиснуться только один человек, мешал Кире взглянуть на то, что делалось за Лисицей.

- А ну-ка, пригнись!

И не ожидая, что он ее послушается, Кира сильно и резко надавила на голову любимого.

– Ты что! – тут же вывернулся из-под ее руки Лисица.

Но Кира уже успела осмотреть пространство за ним. Лисица быстро вывернулся, но Кира была быстрее. И она все-таки успела увидеть то, что ее интересовало. Ход действительно был перекрыт осыпавшейся сверху землей и камнями. Но кроме этого там было и еще кое-что.

– Там кто-то лежит! – взвизгнула она. – Человек!

– Ну да, – смущенно подтвердил Лисица. – Человек. Лежит. И что тут такого?

Ему явно хотелось уберечь Киру от этой находки. И он начал теснить девушку к выходу.

– Пошли, пошли отсюда! Нам с тобой его не вытащить. Нужны ребята покрепче.

Кира упиралась обеими ногами и причитала:

– Посмотри хотя бы, может быть, ему нужна срочная помощь!

Это требование заставило Лисицу остановиться.

– Стой где стоишь, – велел он Кире. – Ближе не подходи.

К этому времени он уже оттеснил ее до середины хода. Теперь она могла видеть и тусклый свет из колодца. И свет от фонаря Лисицы. Страшно ей не было. И в душе у Киры постепенно все ярче разгоралось удовлетворение. Их экспедиция увенчалась успехом. Они нашли Израка. Вот только чем дальше длился осмотр, тем сильнее к удовлетворению примешивалось беспокойство.

Глава 4

Чувствуя, что эмоции буквально переполняют ее, Кира не могла устоять на месте. Она по собственной воле двинулась к выходу и, задрвав голову, крикнула:

- Мы его нашли!
- И как он?
- Без сознания.

Она услышала, как вскрикнула Полина. Но ничего не могла поделать. В это время из хода показался Лисица. Он хмуро взглянул на Киру и крикнул вверх:

- Ваник, спустись сюда!

Но прежде чем Ваник спустился, наружу пришлось выбраться Кире. Узкая шахта колодца не позволяла развернуться в ней всем троим. Стоило Кире очутиться на поверхности, как к ней кинулась Полина.

- Тетя Кира, он жив?

– Я не знаю, – чистосердечно призналась Кира. – В принципе, внизу не так уж и холодно. Если он догадался соорудить себе подстилку, то мог и выжить.

– Но почему он не выбрался наружу? – рыдала Полина. – Почему не отзывался? Что с ним случилось?

Этот вопрос заставил Киру глубоко задуматься. Возможно, дело не в том, что случилось с самим Израком, а в том, что случилось с веревкой, по которой он спустился в колодец? Ведь когда друзья подошли к шахте колодца, то никакого приспособления для спуска, оставленного Израком, они не нашли. Ни внизу, ни наверху веревки не наблюдалось.

– И о чем это может говорить? Да о том, что после того, как Израк спустился вниз, кто-то вытащил веревку, оставив бедного гения одного в темной шахте засыпанного подземного хода.

– Выбраться наружу там, где он спустился, Израк не мог. Вот и пошел дальше. Только ему не повезло, подземный ход оказался засыпан обрушившейся землей, и она задержала беднягу.

- Но кто мог вытащить веревку? Израк пошел ночью в лес один!

– Это мы так считали. Раз не взял с собой Ваника, значит, пошел один. Но похоже, он нашел себе другого сообщника.

Между тем Ваник выполнил приказание Лисицы. Он спустился вниз, и уже вдвоем они выволокли пострадавшего из подземного хода. Возникла суета, когда они пытались соорудить некое подобие носилок, чтобы вытащить Ноя из подземелья. Но потом ограничились тем, что просто соорудили веревочную петлю, пропустив ее у него под мышками.

- Будем надеяться, что петля не соскользнет и не затянется у него на шее.
- Тьфу ты! Скажешь такое!

Но на всякий случай Лисица все же пропустил конец веревки между ног пострадавшего, застраховавав таким образом несчастного от опасности удушья.

- Тяните!

Девушки стали тянуть. Дело шло с большим трудом.

- Раз-два, тянем! Раз-два, взяли!

И хотя девушки, Эдик и даже Матрона старались изо всех сил, тело поднималось совсем на крошечные сантиметры.

- Какой он тяжелый! – пропыхтела Кира.
- А говорили, что тощий!

Полина ничего не ответила, лишь закусила губу и стала тянуть еще усерднее. Наконец тело показалось над поверхностью. Девушки вцепились в него и вытащили окончательно. К этому времени уже достаточно рассвело, и они смогли хорошенько рассмотреть свою находку. Первым, что бросилось им в глаза, была одежда, совсем не характерная для студента и пред-

ставителя художественной богемы. На мужчине были тяжелые резиновые сапоги – дешевые и убогие даже в лучшую пору своей жизни. И одет он был соответствующим образом – непонятный синтетический свитер с узором, рубаха в клетку и брюки, давно утратившие стрелки. И еще дождевик, в котором ему был не страшен ни холод, ни дождь.

– Это не он! – крикнула Полина то, о чем уже догадывались остальные. – Это не Израк!

Подруги и сами могли теперь увидеть, что пострадавший давно уже вышел из молодого возраста. Это был грузный мужчина лет сорока пяти или даже пятидесяти, явно давно махнувший на себя рукой, небритый и неопрятный.

– Это кто такой?

Матрона наклонилась поближе и произнесла:

– Мне кажется, я его где-то видела. Дайте-ка сообразить... Ну да, конечно! Как же я сразу не поняла! Это же Юрка Боцман.

– Он моряк?

– Он пьяница! – отрезала Матрона, чем-то очень сильно недовольная. – Боцман – это его прозвище. Квасит постоянно, вот и боцман.

– Эй, вы там! – раздался снизу из шахты заунывный голос Лисицы. – Бросите вы нам веревку или нет?

– Сейчас, погоди минутку!

Леся с Кирой принялись отвязывать веревку от Боцмана, ужасаясь про себя тому, какой он холодный. Но ведь умереть от переохлаждения он не мог. Еще довольно тепло, а он одет в практичную и удобную для прогулок по лесу одежду.

А Полина, свесившись через край колодца, крикнула мужчинам:

– Вы вытащили не того! Это не Израк, это какой-то местный алкаш!

– И что? Поэтому вы решили оставить нас тут?

– Нет. Но вы все-таки посмотрите, может быть, Израк тоже там есть где-нибудь?

– Мы тут вдвоем, яблоку упасть негде. По-твоему, мы могли бы не заметить твоего художника?

– Но вы все-таки посмотрите, – настаивала Полина. – Вдруг он там?

Лисица выругался сквозь зубы. Но, к своему удивлению, заметил, что Ваник вновь встал на карачки и двинулся по подземному ходу.

– Ты куда это?

– Посмотрю, раз она просит. Мне ведь не трудно.

Лисица снова выругался, но спорить не стал. Догадался, что только зря потратит силы и время. Пока Ваник путешествовал к обвалу, Лисица уже выбрался наружу. Он подошел к найденному Боцману и спросил:

– Он жив?

Взгляд, который метнула на него при этом Кира, ответил Лисице лучше всяких слов.

– Значит, покойник, – вздохнул Лисица. – Хоть и не наш, но все равно плохо. А отчего хоть он умер?

– На голове вроде бы кровь. Но все волосы так спутались от грязи, что толком и не понять.

– Ничего не трогайте. Вызываем полицию.

Из них всех одна лишь Полина не интересовалась страшной находкой. Девушка по-прежнему лежала на краю колодца, дожидаясь хоть каких-то известий о своем дорогом Израке. Вскоре появился Ваник, который попросил, чтобы его вытащили наружу.

– Ты его нашел?

– Нет. Но кое-что есть.

– Что?

– Сначала помогите мне отсюда выбраться!

Лисица сбросил ему веревку с завязанными на ней узлами, и Ваник довольно ловко вскарабкался по ней.

– Ну как? – подскочила к нему в ту же секунду Полина. – Ну что?

– Вот, нашел только это.

Ваник протянул перепачканную в земле руку, в пальцах которой была зажата какая-то металлическая штучка.

– Это медальон Израка! – произнес Ваник. – Нашел его в подземелье у самого обвала.

Он повертел медальон в своих пальцах и попытался очистить его от земли. Внезапно крышечка щелкнула и открылась.

– Ты его сломал! – испуганно ахнула Полина.

– Нет, нет, все в порядке. Просто тут фотография какой-то женщины.

– Женщины? – насторожилась Полина. – Покажи!

И она не успокоилась, пока не заглянула внутрь медальона. Там действительно было фото женщины, красивой блондинки, но уже немолодой.

– Кто это?

– Может быть, мать?

Ваник защелкнул медальон и произнес:

– Значит, Ной был там, в колодеце!

– Может быть, он и сейчас там! – заголосила Полина. – Я чувствую, он там!

– Где именно? Там никого нет.

– Дальше, за обвалом! Под землей! Знаете, что я думаю? Израк и этот мужик зачем-то спустились в колодец и полезли по подземному ходу. На середине пути земля осыпалась. Мужика ударило камнем, а Израку удалось пробраться дальше. Или... Или он лежит под обвалом! Засыпанный! Еле живой! Умиравший!

В голосе Полины слышалась настоящая паника. Девушка была близка к истерике. И все остальные тоже почувствовали волнение при мысли, что бедный Ной, возможно, еще живой, заперт в подземном ходе, откуда ему нет пути назад.

– Какой ужас! – пробормотала Леся, стиснув пальцы.

– Мы должны его вытащить!

– Будем копать и разберем завал!

Один лишь Лисица не торопился поддаваться общей волне.

– Мне бы хотелось знать, кто в таком случае вытащил веревку из колодца? – произнес он. – Когда мы пришли, в колодеце не было никакого намека на лестницу. А спрыгнуть без нее в шахту невозможно. Слишком глубоко. Метра три с половиной, запросто можно ноги переломать.

– И что?

– Кто-то неизбежно должен был вытащить веревку на поверхность.

– Значит, с ними был еще кто-то третий!

– Нет, я думаю, что дело обстояло несколько иначе, – покачал головой Лисица. – Израк с Боцманом спустились в колодец, а потом через него попали в подземный ход. Боцман шел впереди, его ударило упавшим камнем, а Израк уцелел. Он выбрался из колодца, забрал с собой веревку и сбежал.

– Сбежал? Но почему?

– Должно быть, испугался, что его обвинят в смерти Боцмана. Или у него были какие-то свои идеи, сейчас это трудно сказать.

– Но что же нам делать? – тоскливо воскликнула Полина. – Где нам теперь искать Ноя?

– Перво-наперво мы должны позаботиться о покойнике. Прямо сейчас сообщим в полицию о случившемся. Дождемся их приезда, а потом уже будем действовать по обстановке.

На тот момент это предложение всем показалось весьма разумным. Одна лишь Матрона сомневалась.

– Я знакома с начальником нашего отделения. Он еще тот жук! И фамилия у него подходящая – Жуков. Не думаю, что он всерьез займется расследованием обстоятельств смерти какого-то там Юры Боцмана. Так что, если вы хотите узнать, что за трагедия тут произошла на самом деле, вам придется действовать самим, на свой страх и риск.

К сожалению, Матрона оказалась права. Когда на место происшествия прибыла следственная бригада в составе сразу трех человек – шофера, эксперта и фотографа, вместе с ними прибыл и начальник полиции. Это был среднего роста мужчина, в меру упитанный и в меру воспитанный. Надрываться на службе он явно не привык. И едва взглянув на пострадавшего, он с удовлетворением кивнул:

– Все-таки помер. Как ему люди хорошие и обещали, не дожил он до старости! И как я ему сам предсказывал, свалился спьяну и башку себе прошиб!

И повернувшись к своим коллегам, господин Жуков заявил безапелляционным тоном:

– Будем оформлять как несчастный случай.

Лисица не выдержал, выступил вперед и рискнул возразить полиции:

– Тут был еще один человек, студент.

– Какие тому доказательства?

– Вот.

И Лисица продемонстрировал медальон из серебристого металла, найденный Ванником возле обвала. Но на полицейского это украшение не произвело ровным счетом никакого впечатления.

– Спер, небось, где-то эту вещицу Боцман, – спокойно произнес он. – Или нашел. Боцман у нас мастер был на всякие такие «находки». Подрезет у кого-нибудь кошелек с мелочью, а говорит, что нашел. Народ у нас добросердечный, верили ему. Но я-то всегда знал, добром этот типчик не кончит!

– Вы его хорошо знали?

– Как мне его не знать? Мне по долгу службы всех неблагополучных в округе положено знать.

– А Боцман был не из благополучных?

– Да уж и то сказать, они вдвоем с бабкой – с матерью его – на две крохотные пенсии жили. И как мужик деньги на водку находил, ума не приложу. Пенсии им едва ли на хлеб хватало. Огорода они не держали, скотины у них и подавно не было. Несколько курей, да и все. Бабка уже совсем дряхлая, сил нету, чтобы хозяйство вести. А Боцман – он и есть Боцман. Ему лишь бы шары себе залить. В сезон в лесу кормился, грибы и ягоды на станцию возил продавать. Ну а зимой пошабашить иной раз к кому из соседей нанимался. Деньгами не брал, только водкой или другим спиртным. Много не наработает, но выпить получалось. Так и жил. Кстати, при нем корзины не было?

– Нет. Никакой корзины мы не нашли.

– Ну, надо вокруг посмотреть. Уверен, он по грибы отправился да с пьяных глаз в этот колодец и угодил.

– А вы не знаете, что это за колодец такой?

– Тут повсюду и прежде люди жили, – как-то уклончиво ответил начальник отделения.

Создавалось впечатление, что версия насчет происхождения колодца у него есть, но он не торопится ею делиться с чужаками.

– И людей до войны в здешних краях куда больше жило. Поместье, хутора... Наверное, от одного из них этот колодец и сохранился.

Но друзья с этим мнением были не согласны. Если бы поблизости находился хутор, должны были сохраниться и фундаменты домов и других строений. Должны были остаться плодовые деревья, пусть и одичавшие, но указывающие на то, что тут когда-то жили люди и цвели возделываемые ими сады. Однако переубедить полицейского у них не получилось. И даже тот факт, что корзина, которую Боцман должен был бы взять с собой для собранных грибов, так и не нашлась, полицейского не насторожил.

– Значит, унес кто-то, – отмахнулся он. – Дело совершенно ясное, никакого криминала тут нет. Пьянчуга сам в колодец свалился. Вон и башка у него вся в крови. Стукнулся башкой, пока падал, вот и все дела!

– Мы нашли его довольно далеко от входа.

– Упал, ударился, сразу не умер. Пока силы были, в нору заполз, там и подох.

И сплюнув, полицейский окончательно подвел итог:

– Собаке – собачья смерть.

Эти слова возмутили всех. Леся первой воскликнула:

– Как вы можете такое говорить? Это же человек! И он погиб!

– Человек? – презрительно скривил пухлые губы полицейский. – А вы, дамочка, были знакомы с этим, с позволения сказать, человеком? Нелюдь он был! Паразит на теле общества! Никакой пользы от него никому не было, один лишь вред. Как вам еще объяснить, я уже и не знаю!

С этими словами начальник махнул рукой шоферу, и они вдвоем ушли, провожаемые неприязненным взглядом Матроны. Она явно не питала к начальнику теплых чувств.

А помощники – фотограф с экспертом – еще немного покрутились вокруг, но никакого рвения не выказывали. Они явно были согласны с мнением своего начальника по поводу судьбы, постигшей Боцмана. Единственное, что их волновало, как перетащить теперь тело к дороге.

– Как сюда шли, больно долго получится. Надорвемся мы его на себе тащить, он ведь тяжеленный, гад.

– Надо бы посмотреть, может, поближе какая дорога есть.

В этом им на помощь пришел Лисица. Включив систему навигации, он показал карту местности.

– В полукилометре отсюда есть грунтовка.

– А по ней хоть до Торфяного, хоть до самой трассы запросто выехать можно.

– Куда вы его теперь повезете?

– В райцентр. В морг при больнице.

В самом Торфяном блага цивилизации главным образом были представлены здешним отделением полиции с полностью укомплектованным штатом сотрудников. А вот поликлиники, больницы и тому подобных глупостей в Торфяном не было и в помине. Имелся поселковый магазинчик, и при нем когда-то располагался медпункт, где сидел старенький врач с не менее пожилой медицинской сестрой. Но после того как оба престарелых эскулапа тихо и мирно скончались в короткое время на своем посту от старости, никакой достойной замены им не появилось. А все прибывающие на место молодые врачи либо быстро уносили ноги, либо спивались и плохо заканчивали.

И так уж получилось, что врачевание волей или неволей, но взяли на себя несколько местных бабок – травниц, знахарок и ведуний. К ним и ходило за помощью все местное население. А в случае крайней нужды ехали в больницу в ближайший город. Доезжали далеко не все, но таковы уж правила жизни в российской глубинке.

Однако в случае с Боцманом никакой спешки уже не было. Когда его тело отправилось в городской морг на специальной машине, Матрона повернулась к остальным и произнесла:

– Полиция сказала свое слово, теперь пришла наша очередь. Что вы все думаете по этому поводу?

– А вы?

Матрона озабоченно покачала головой и нахмурилась:

– Не верю я в несчастный случай. Боцман грибами и ягодами себе в сезон изрядную денежку зарабатывал. Он все местные леса вдоль и поперек излазил. Если кто и знал об этом колодце, то это именно он!

– И потом, – подхватила следом за ней и Леся, – колодец находится в кустах. Если бы Боцман в него случайно свалился, он мог бы успеть ухватиться за ветви. И либо выбрался бы по ним наружу, либо смягчил бы падение и не убится.

– Что касается самой раны у него на голове, – вступил в разговор и Лисица, – то в колодце нет ни одной выступающей детали. Ступени, которые тут когда-то имелись, были вырыты прямо в земле. От времени они раскрошились. Ни камней, ни железной арматуры, о которую можно проломить себе голову, в колодце нет.

– Его мог ударить камень во время обвала.

– Здоровый, должно быть, был тот камень. А я никаких камней, в крови испачканных, там не заметил, – проворчал теперь уже и Ваник.

– Может, ты плохо смотрел? Кровь на камне вполне могла припудрить пыль, которая бы неизбежно образовалась во время обвала.

– Да? А полицейские? Они тоже плохо смотрели?

К слову сказать, полицейские не нашли в подземном ходу ничего подходящего, чем можно было бы проломить себе голову. Но их это несколько не смутило. Расследовать обстоятельства смерти какого-то там Боцмана – местного алкаша, который им только глаза своим видом мозолил, они не собирались. Как говорится, баба с возу – кобыле легче. Только тут вместо бабы выступал Боцман.

Но друзья не могли так легко согласиться с версией полиции. Да, эта версия была во многом и для многих удобна, но только не для них.

– В общем, все мы считаем, что в этом происшествии есть что-то неясное, – подвел итог Лисица.

– Да, и надо выяснить, что именно.

– И еще мы должны узнать, что случилось с Ноем, – подала голос Полина, выходя из своего ступора, в который она впала после того, как Ваник нашел в подземном ходу медальон, принадлежащий Израку.

Однако Матрона считала, что поиски пропавшего гения можно немного отложить.

– Нам в самую первую очередь надо сообщить Наталье Семеновне о смерти сына, – сказала она.

– Правильно.

– Наталья Семеновна – это мать Боцмана? – пожелала уточнить Леся.

– Она самая. Проводите меня до ее дома?

– И даже пойдем вместе с вами, – кивнула Кира.

И когда остальные начали шипеть, зачем ей это надо, она лишь шикнула на них:

– Тихо! Если кто и может знать о том, что покойнику Боцману понадобилось ночью в лесу, то это только женщина, с которой он жил. В данном случае его мать.

Наталья Семеновна оказалась совсем древней старушкой. Сухая и жилистая, она почти ослепла к старости, но хозяйство вела твердой рукой. В доме был относительный порядок. Натоплено, пол подметен, и, что самое главное, тут не было запаха лекарств, присущего жилищам стариков. Да и сама Наталья Семеновна для своих восьмидесяти с гаком выглядела очень даже крепкой.

Несколько курочек, о которых говорил с таким пренебрежением господин Жуков, с довольным видом ковырялись в загоне. На грядках торчало с десяток кочанов капусты. Видимо, как-то Наталье Семеновне удавалось находить силы для огорода и птичек.

– На здоровье не жалуясь, только вот глаза подвели, не вижу почти ничего, как пелена перед глазами. Читать почти совсем не могу. Только с очками, да и то с трудом.

– Операцию можно сделать.

– А зачем? – спокойно возразила старуха. – Если Господь послал мне испытание, надо его вынести со смирением. Да и не нужны мне глаза стали. Что по хозяйству, я и полностью слепой соображу. Вся жизнь тут живу, на ошупь могу любую вещь опознать.

– Все-таки без зрения плохо.

– Конечно, нехорошо. Но все можно решить при желании. Библию мне соседка приходит читать. А телевизор я не смотрю, одно паскудство в нем.

Друзья вели этот разговор, не зная, как подступиться к самому главному, ради чего они и явились в дом Бощмана. Но Наталья Семеновна сама вывела их на разговор:

– Матрона, вы чего пришли-то все вместе? Случилось чего?

– Случилось, тетя Наташа.

– С Юркой чего? – спросила спокойно старуха. – В полицию угодил?

И тут же, не дожидаясь ответа, горько вздохнула:

– Ох и шалопутный он у меня уродился. Сызмальства одни слезы от него были, и с возрастом лучше не стал. Весь в своего отца пошел. От того я тоже одно горе видела. Пил, меня бил, Юрку строжил. И почему так? Свекор мой совершенно нормальный в этом плане был. Выпивал на праздник сто грамм, но чтобы пьяным завалиться, такого с ним сроду не бывало.

И, взглянув на Матрону, старуха спросила:

– Ну? Не тяни уж! Говори, чего мой Юрка натворил на сей раз?

– Тетя Наташа... Юра ведь в лес пошел?

– Ну, – спокойно признала старуха. – Видать, что так. Осень – время грибное. Юрка все свободное время в лесу пропадает, а как не в лесу, так пьяный где-нибудь валяется. Будто бы сама не знаешь! Небось, в одном поселке живем. Все друг у друга на глазах.

– И давно его нету?

– Уже три дня, как шей похлебал да ушел.

– Три дня?

Это совпадало с моментом исчезновения Израка. Значит, эти двое все-таки вместе отправились к колодцу? Но куда потом делся Израк?

И все же друзья решили расспросить старуху поподробнее.

– Вашего сына уже три дня нет дома, а вы совсем не беспокоились о нем?

– Так тепло еще, – пожалала плечами старуха. – Небось, не замерзнет. Да и здоровья у меня уже прежнего нет, чтобы за Юркой по всей округе рыскать. Это раньше я все дергалась, где он там пьяный завалился? А теперь прежней прыти во мне уже нет.

– Но все-таки три дня – срок немалый.

– А он мог у Людки-Стеколыщицы запросто остаться и на день, и на ночь, и даже больше. Как у Юрки деньги есть, она его завсегда с милой душой у себя принимает. Летом и осенью он почти постоянно у нее живет. Это зимой, когда деньги заканчиваются, он ко мне возвращается.

Подруги взглянули на Матрону.

– Знаете эту Людку-Стеколыщицу?

– Думаю, я знаю, о ком Наталья Семеновна говорит. Тетя Наташа, Стеколыщица – это ведь та баба, что стеклотару в ларьке принимает?

– Вот-вот. Стекло, металл, ветошь всякую. Даже бумагу и картон. Любой хлам примет, и хоть копеечку, но за это даст. Это наш губернатор распорядился, очистительную фабрику запустил в области. Теперь отовсюду мусор туда свозит. Ничего не скажешь, гораздо чище

стало. Мужики да и бабы весь хлам, что в огородах и полях валялся, быстренько собрали и к Людке оттащили. Так чего с Юркой-то случилось? Говорите уже, не томите! Арестовали его?

– Нет, тетя Наташа. Хуже.

– Хуже? Что же хуже-то может быть? Неужто прибрал его Господь к себе?

Матрона поколебалась. Но так как пути назад все равно не было, она кивнула:

– Да.

– Умер?

– Да, тетя Наташ. Вы уж не обессудьте, что именно я вам такую весть принесла, но...

– Как он погиб? – перебила ее старуха. – Говори!

И было что-то такое в ее голосе, что заставило Матрону заговорить лаконично, деловито и по существу:

– Упал в лесу в заброшенный колодец и убился. Сегодня мы студента пропавшего искать стали, да вместо него Юру и нашли.

– Мертвый уже был?

– Совсем холодный.

На лице Натальи Семеновны не дрогнул ни один мускул.

– Вот как, – только и произнесла она задумчиво, – значит, сподобил Господь, освободил меня и от этой ноши. Трое детей у меня было, да все неудачные. Дочка до мужиков очень охоча, кучу романов имела, ни одного стоящего так и не завела. Старший сын еще в армии совсем молодым погиб. Один Юрка со мной остался, да и от него никакой мне радости не было. Весь в батьку своего! Коли пьяный, так на лавке храпит. Протрезвеет, жрать просит, потом за бутылкой бежит. Ни денег от него, ни помощи, ни слова ласкового... В последнее время еще и покрикивать на меня стал. Плохой сын, что и говорить. Вот все думала, когда же Господь оградит меня от этой напасти? А теперь понимаю, послал Господь Юрке свою милость. Не позволил совсем уж опуститься. Раньше к себе забрал.

Подруги хотели сказать что-то уместное случаю, выразить матери свои соболезнования, но Наталья Семеновна неожиданно вскочила на ноги и повернулась в сторону икон:

– Ох, что же это я сию, причитаю? Надо положенные молитвы за Юру отчитать. Как новопреставившемуся, ему особое внимание сейчас.

И не тратя больше времени на болтовню, старуха встала на колени перед тремя иконами, рядом с которыми теплилась маленькая лампадка. Иконы были старинными, но их потемневшие лики взирали на осиротевшую мать, как показалось подругам, с удивительной кротостью и смирением.

Вот только было что-то в этих иконах странное. И присмотревшись, подруги увидели, что Спаситель осеняет их крестным знамением всего двумя перстами, а не тремя, как они привыкли видеть на церковных иконах.

Видя, что женщина сейчас не нуждается в их утешении, у нее есть утешитель куда более могущественный, друзья начали прощаться. Но Наталья Семеновна даже не обернулась к ним, она пребывала в глубокой молитве, мешать ей было нельзя. И оставив со старухой лишь Матрону, которая была с Натальей Семеновной явно дружна, они вышли из дома.

– Бабка нам не помощница. Она своего сына не видела целых три дня.

– Да, и выходит, когда Боцман уходил из дома, то было еще утро, – прибавил Эдик. – А с Израком они должны были встретиться к ночи.

И Ваник подтвердил:

– Утром и днем Израк еще по усадьбе болтался, всех доставал своим нытьем. Что все ему тут надоело. Что зря он согласился на эту поездку. Ну и всякое такое.

Услышав, как неуважительно отзывается Ваник о ее любимом, Полина вспыхнула не на шутку:

– Замолчи! Как ты смеешь так говорить про Ноя? У него тонкая художественная натура, он не может всякой там шаблонной мазней заниматься! Ной – гений! Это все знают!

Ваник не стал с ней спорить.

– Гений, конечно, – пробурчал он. – Только усадьбу все мы, простые трудяги, расписали. А наш гений кисти в руки только в детской взял. Да и то без ведома заказчика угол раскрасил. Еще не факт, что заказчику это понравится.

– Ной работает для себя, для своего великого будущего, а не для какого-то там дурака заказчика!

– Да только именно дурак заказчик, как ты говоришь, деньги платит.

– И что? Если у него есть деньги, то нужно подстраиваться под его примитивные вкусы? – насупилась окончательно Полина.

– А что делать? Кушать-то регулярно хочется. А не будет работы, не будет и еды.

– Значит, надо голодать! – упрямо заявила Полина. – Уверена, Израк именно так и поступил бы.

– Пока Израк со своей гениальностью носился, мы за него всю работу сделали, – угрюмо произнес Ваник.

Сдавать свои позиции он был явно не намерен. Точно так же, как и Полина собиралась отстаивать свое мнение до последнего. И чтобы избежать серьезной ссоры, Кира поспешила вмешаться:

– А ну-ка! Тихо! – прикрикнула она на спорщиков.

– Тайм-аут! – поддержала ее Леся. – Нашли тоже, о чем сейчас спорить. Надо сначала найти Израка, а потом уж говорить о том, гений он там, задавака или... Или кто-то другой.

На этом месте Леся переглянулась с Кирой. Им обоим было сильно не по душе от внезапного исчезновения Израка. А также тот факт, что это исчезновение было сопряжено с такой страшной находкой, как тело Боцмана Юры.

Но остальные думали пока только о том, как прояснить для себя последние часы жизни Боцмана. О том, что их исчезнувший товарищ может быть виновен в смерти Боцмана, никто из них пока не думал.

– Что у нас получается? В последний раз мать с сыном разговаривала три дня назад. Рано утром Боцман сказал матери, что сначала идет в лес, а потом к своей Людке. Старуха его назад даже не ждала, знала, что пока у сына есть деньги или другой товар, Людка будет его привечать у себя.

– Наверное, набрал грибов, продал их да и направился к своей любовнице.

– Или не продавал, а прямо с лесными подарками заявился.

– Вот к этой Стекольщице нам и надо пойти теперь.

И пусть с матерью пострадавшего содержательного разговора у сыщиков не получилось, но они не унывали. Очень может быть, что с его любовницей дело у них пойдет лучше.

Глава 5

Людка по прозвищу Стекольщица оказалась особой весьма чванливой и обидчивой. Начала с требования, чтобы к ней обращались по имени и отчеству – Людмила Павловна, и разговаривать с друзьями о своем любовнике Юрке Боцмане наотрез отказалась. То ли напуганная жизнью, то ли от природы такая, она всюду подозревала какой-то подвох. И по той или по другой причине, но едва Лисица спросил у нее про Боцмана, с которым у нее были теплые дружеские отношения и который частенько к ней захаживал, тетка тут же категорично заявила:

– Не знаю я никакого Юрку!

– Как же? Вы с ним в одном поселке живете. Вы просто не можете его не знать.

– Ну, может, и знаю, я оговорилась просто. Но ко мне он не захаживает, кто это все выдумал?

На друзей смотрели два чистых голубых глаза, покрашенные тушью так густо, что она осыпалась и образовывала на щеках «красавицы» два ровных черных полукруга. От этого видок у Людки был такой, словно она совсем недавно участвовала в потасовке, где ей и подбили оба глаза. Одетая душевная зазноба Боцмана была в жилетку из искусственного меха тигриной расцветки, потрепанную и потасканную, ботфорты с массивными золотыми пряжками и легинсы цвета фуксии, украшенные многочисленными пятнами.

– Нужен мне этот Юрка! – возбужденно восклицала Стекольщица. – Да ко мне сам губернатор в поклонники набивается. Что смотрите, не верите? Да с меня плакат рисовали, который теперь по всей области красуется. Думаете, мало было охотников на эту работу? А губернатор меня выбрал! И художник, пока рисовал меня, все время восхищался, какая у меня натура колоритная. И руку еще подал, а губернатор мне ее и пожал! Вот какие у меня кавалеры имеются! А вы говорите Юрка!

Фантазия у этой особы была через край. Людка обожала поговорить. И главной темой ее разговоров всегда являлась она одна.

– Да я, если хотите знать, таким мужчинам отказывала, перед которыми этот ваш Юра пустое место! У меня даже один генерал в женихах значился. И нечего так на меня тарашиться! Я не клумба, и цветы на мне не растут! А генералом он, конечно, потом стал. Знала бы я, что этот замухрышка так высоко взлетит, нипочем бы ему тогда не отказала.

О себе и своей бурной яркой жизни мамзель Стекольщица могла разговаривать часами. Но не она являлась объектом изучения для сыщиков. Их куда более интересовала жизнь и контакты ее любовника.

– Значит, это Юрий не про вас напоследок сказал, – с притворным вздохом произнесла неожиданно Леся. – Как жаль, мы только даром потеряли время. Последние слова покойного относятся не к вам.

Как она и рассчитывала, Людка мигом растеряла весь свой гонор, прекратила гнуть пальцы в разные стороны и вполне земным человеческим языком с любопытством спросила:

– А про кого это вы «покойный» говорите?

– Про Юрия по прозвищу Боцман.

– И что? – сглотнула Людка. – Помер он?

– Точно так. Умер. А умирая, просил передать на словах своей сердечной подруге Людмиле, чтобы она... Впрочем, не будем грузить вас излишними подробностями. Слова велено передать другой женщине, ее и будем искать.

– Да нет же! – воскликнула Людка. – Я это!

– В смысле?

– Я – подруга сердечная Боцмана! И зовут меня – Людка!

– Но вы сказали...

– Да мало ли чего я там сказала! – досадливо отмахнулась женщина. – Вы меня не слушайте. Я же не знала, кто вы такие и почему Юркой интересуетесь. Юрка, скажу я вам, такой пассажир был, что им запросто и из полиции люди могли заинтересоваться.

– Осторожность не повредит, правильно я вас поняла?

– Вот именно! – обрадованно затрясла головой Людка и с жадностью осведомилась: – Так что? Что мне Юрка велел передать?

Женщина была взволнована до такой степени, что ее буквально трясло. Но, как показалось друзьям, взволновала ее не весть о смерти Юрки, а то, что он что-то передал ей перед смертью.

– Ну что? Что там Юрочка мой любимый перед смертью велел мне передать? Может, завещал чего?

И такая откровенная жажда наживы плеснула в глазах этой женщины, что Леся даже испугалась. Но тут же ощутила в груди какое-то непонятное буйство и брякнула откуда ни возьми:

– А передать он вам велел следующее: «Поставь, дорогая Людочка, на моей могилке памятник. И весь чтобы из черного мрамора, а на переднем плане мой портрет в полный рост. И еще буквами что-нибудь жалостливое изобрази. Да буквы и портрет, смотри не жалея, чистым золотом пусть покроют».

Людка даже зубами скрипнула от разочарования. Она явно ожидала услышать нечто совсем другое.

– Памятник ему подавай! – заголосила она, прямо подпрыгивая на месте, как крышка на закипающем чайнике. – Мраморный! Портрет! Буквы! А где деньги взять? Про сокровище-то он что-нибудь сказал?

– Нет, о деньгах ничего не сказал.

– Идиот! – припечатала своего покойного воздыхателя Людка. – Знала, что идиот, не надо было с дураком и связываться!

Но тут же ею вновь овладела какая-то идея. И она взглянула на друзей уже куда внимательнее:

– Эй, а когда это вы с Юркой моим повстречались?

– Сегодня. Утром.

Леся лгала со столь большой уверенностью, потому что, во-первых, не опасалась разоблачения. Людка могла узнать подробности о смерти своего любимого лишь от Матроны или от Натальи Семеновны. А они, как отчего-то полагала Леся, общаться с Людкой так тесно не захотят. А во-вторых, Людка сама начала эту игру, она наврала друзьям первой. А как говорится, каков привет, таков и ответ.

Людка была ошеломлена услышанным.

– Что? Утром? Сегодня? И вы с ним разговаривали?

– Да, – невозмутимо кивнула Леся, сама поражаясь, как лихо выходит из нее вранье. – Он упал в колодец, мы услышали его крики и прибежали на помощь. Увы, ваш друг пробыл в колодце слишком долго. Он сильно ушибся при падении. И единственное, что он успел, так это передать привет вам.

– Хорош привет! – злобно прошипела Людка. – Он бы лучше сказал, где деньги... Слушайте, а при нем не было ничего ценного?

И ее взгляд сделался хищным и оценивающим.

– Ценным? Ну, мы не знаем, насколько это ценная вещь. Был с ним медальон, по виду из серебра.

И повинувшись Лесинуму взгляду, Лисица извлек из кармана найденный в подземелье медальон со звездой Давида в самом центре крышки. При виде медальона Людка издала сдавленный стон, она определенно узнала эту вещь. Женщина даже сделала руками хватательное движение,

стремясь присвоить медальон себе, но Лисица вовремя отодвинулся, и рука Людки схватила лишь воздух.

– Это Юркин медальон, – почти жалобно произнесла она. – Отдайте его мне! Это я медальон Юрке подарила.

– Что-то мать Юрина подарка вашего не признала.

– И что? – ничуть не смутилась Людка. – Я этот медальон ему только накануне подарила.

– Значит, вы своего любовника видели вчера?

Людка покачала головой и неожиданно сказала правду:

– Нет, дня три, как его нет. А медальон я ему как раз перед тем, как он в лес пошел, и подарила. Он ко мне на рассвете заглянул, я ему и презентовала.

– Зачем?

– Ну как... а зачем люди друг другу подарки делают? Я ему медальон в подарок, а он мне грибов в ответ. И ему и мне приятно, оттого что другому радость доставили.

Что-то слабо верилось в подобную бескорыстность Людки. Грибы она могла получить и совершенно бесплатно. А медальон должен был стоить немало. Друзья уже хорошо рассмотрели вещицу. Он открывался, внутри была вложена фотография улыбающейся женщины. И хотя фотография была не старой, она никак не могла быть ровесницей медальона, которому больше бы подошел портрет на эмали, но Людка все равно свободно могла бы толкнуть старинную вещицу за хорошие деньги. А в подарок Юре сгодился бы и старый дождевик или охотничьи сапоги.

Но Леся сделала вид, что верит алчной торговке, и поинтересовалась:

– И откуда же у вас взялась эта вещь? По всему видно, что она старинная, работы очень искусной. И пусть это серебро, а не золото, все равно, откуда она у вас? Не в магазине же вы ее купили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.